

Рекомендовано А.С. Пушкиным

Сильвио ПЕЛЛИКО.

**Об обязанностях человека,
наставление юноше**

*«Бо правда»,
книга Бытия*

*Одному юноше
посвящает
Сильвио
Пеллико
из Салуццы*

*Второе издание
Клуб «Историк»
Наукоград Фрязино
2013*

Пеллико Сильвио. Об обязанностях человека, наставление юноше. Составление, вступление, комментарии и первая публикация Г.В. Ровенского. Клуб «Историк». 2013. Второе издание.

Как воспитать достойного юношу в наше напряженное время? Многие ответы на этот вопрос читатель найдет в рассуждениях и этических «Наставлениях» итальянского поэта, драматурга и мемуариста Сильвио Пеллико (1788-1853). Эту его книгу А.С. Пушкин горячо рекомендовал для чтения в 1836 г. подписчикам своего журнала «Современник». Суровая судьба автора «Наставлений» (десять лет он был заключен в тюрьмах Австрии), чья предарестная судьба напоминала раннего мятежного Пушкина, помогла «Наставлениям» проникнуть во все слои общества. «Наставления» издавались десятки раз во многих странах мира, они были рекомендованы для чтения в старших классах гимназий, в семинариях и кадетских корпусах. Через 180 лет они возвращаются и в Россию.

«Наставления» могут быть рекомендованы старшеклассникам и слушателям военных училищ, а также всем, кто работает с молодежью.

*Публикация, вступление и комментарии
Георгия Ровенского (г.Фрязино). groven@rambler.ru.*

Из откликов на публикацию этой книги в ИНТЕРНЕТЕ в 2006 г.
«Ирина Реброва.

<http://www.atheizmru.ru/humanism/journal/54/rebrova.htm>

**«Глобальные декларативные документы (проекты документов)
об обязанностях человека**

Ниже приводятся сведения о нескольких известных мне глобальных декларативных документах (или их проектах) об обязанностях человека (в приблизительно хронологическом порядке).

Однако начать хочется с книги, которая, хотя и не является глобальной декларацией, но носит название «Об обязанностях человека, наставление юноше». Появилась она ещё в позапрошлом веке. Её автор – итальянский поэт, драматург и мемуарист Сильвио Пеллико (1788 – 1853).

Книга издана впервые в 1834 г., на русском языке в Санкт-Петербурге – в 1836 г. Эту книгу А. С. Пушкин горячо рекомендовал подписчикам своего журнала «Современник» (Критический обзор журнала «Современник» № 3 за 1836 г.).

Книга переиздавалась во многих странах мира, в том числе несколько раз в России (в каталоге Российской государственной библиотеки числится несколько изданий, последнее – 1907 г.). Через 100 лет переиздание книги в России подготовлено к. т. н. Г. В. Ровенским ...

Отпечатано в типографии ООО «Мещёра». г. Щелково, ул. Свирская
8а. тел. 8-496-56-2-18-81. Е – meraprint@yandex.ru

Рекомендовано Пушкиным

*Из наставлений поэта Сильвио ПЕЛЛИКО
одному юноше о любви и дружбе, мужестве и патриотизме,
и о многом другом, так необходимом в жизни*

В библиотеке Пушкина есть одна книжка для карманного чтения. В общем каталоге Б. Л. Модзалевского она имеет № 279.

«N279. "Об обязанностях человека, наставление юноше". Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского. СПб. в типографии Н.Греча. 1836. На чистом перед титулом бумаги написано чернилами *"Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика Дирина. 18 января 1337. С. Петербург"*. Этой книге поэт посвятил две страницы в 3-м номере "Современника" за 1836 г.»

Чем же привлекла внимание А.С.Пушкина эта книга и почему он рекомендовал ее своим читателям?

Прочитаем обращение Пушкина к читателям «Современника», а косвенно и к нам.

Пушкин А.С. Критический обзор
(журнал "Современник" №3 за 1836 г.)

Книга "ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА" *Сочинение Сильвио Пеллико*

На днях выйдет из печати новый перевод книги «*Dei dover degli uomini*», сочинения славного Сильвио Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *половицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, – и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в си-

лах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не все, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули *мы* упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги "О подражании Иисусу Христу", Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения*.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получая свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, – прочли умиительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга «*Dei doveri*» стыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы

следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслед за книгою *Жизни* (Мои темницы), она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания».

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было и в каком бы то ни было случае показаться *сухой и холодно догматической*? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимание человека, одаренного сердцем? Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора «Истории поэзии».

Это уж не ново, это было уж сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что *ж* из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности.

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева, привожу собственные его слова:

«Прочтите ее (*книгу Пеллико* – Г.Р.) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастья вам покажется проста. **Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей** – и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые, к сожалению, очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

A handwritten signature in cursive script, reading "А.С. Пушкин". The signature is written in dark ink and features a long, sweeping horizontal stroke that extends to the right, ending in a decorative flourish.

Счастливая судьба книги и несчастья ее автора

Александр Сергеевич Пушкин, первым привлечший внимание к этой небольшой книге в 100 страниц (небольшого формата), оказался пророком. У этой книги была довольно счастливая судьба в России. Ее издавали несколько раз, а в 1899 году вышло карманное издание для юношества, которое было рекомендовано воспитанникам духовных и военных учебных заведений и старшеклассникам гимназий. Она, как и книга "Мои темницы", была издана многократно и в других странах, на нескольких языках мира.

Пушкин вскользь упомянул о судьбе автора, дважды прошедшего темницы, считая, что книга "Об обязанностях человека" интересна и чрезвычайно полезна сама по себе. Вот почему он возражает своему молодому другу Шевыреву, когда тот утверждает о привлекательности этой книги именно тем, что написана автором, прошедшего жестокие испытания, но не ожесточившегося судьбой своей.

Обстоятельства жизни, которые привели Сильвио Пеллико в темницу, были так сходны с пушкинскими возможностями попасть в темницу, что эту тему поэт и не затрагивает, хотя косвенно привлекая внимание к автору, привлекает внимание и к его биографии и, конечно, к его предыдущей книге "Мои темницы".

Три жизни Сильвио Пеллико

Итальянский поэт Сильвио Пеллико родился в 1788 г. в Салуццо (Пьемонт). Отец его, дворянин, Онораль Пеллико работал в почтамте. Еще юношей он посвятил себя поэзии. Его первая любовь умерла в 14 лет. Поэтому так страстно зазвучала его первая трагедия «Франческа да Рамини», написанная по мотивам Данте Алигьери. Трагедия имела успех у зрителей во многих театрах.

Имя автора становится широко известно. Трагедия «Эвфения» укрепила его успех. Он становится наставником юноши Одордо у графа Брие, а затем юношей Джакомо и Джуно у графа Порро Ламбертиегги. В салонах последнего он встретился с Байроном и м-ль Сталь, многими итальянскими поэтами. Он стал издавать журнал «Примиритель» далекого от экстремизма литературно-публицистического направления. В 1820 он был арестован австрийскими властями, усмотревшими в деятельности поэта мятежный дух и призыв к свободе.

Только через десять лет он вышел на свободу, пройдя несколько тюрем, написав в тюрьмах множество стихотворений. Благодаря со-

действию министерства внутренних дел он пишет и в 1832 г. печатает свою повесть о тюремной жизни "В темницах". Повесть эта быстро распространяется по всему миру. Его французское издание во многих экземплярах попадает и в Россию, пересылается в Сибирь к декабристам. Это была спокойная правда о жизни в заключении и мире арестантов и охранников. Попала она и к А.С.Пушкину, и, несомненно, судьба автора привлекла его внимание. Ведь его крестный путь мог повторить и сам российский поэт. Бунтующий его дух так и рвался из него в молодости, и только либеральность Александра I ограничила наказание поучительным удалением поэта на юг, а затем в свою собственную деревню.

В 1833 С.Пеллико издает трагедию «Томасо Моро», а в 1834 морально-философские наставления «Об обязанностях человека» («О должностовании человека»), с подзаголовком «Наставления одному юноше». Они сразу же получили общеевропейский резонанс и были изданы и переизданы по всей Европе. В 1836 «наставления» переводит в Петербурге Дирин, хороший знакомый Пушкина по семье Кюхельбекера. Он обращается с просьбой к Александру Сергеевичу написать к книге предисловие. Поэт в ж-ле «Современника» горячо рекомендует свои читателям книгу Сильвио Пеллико из Салуццы.

Рекомендации Пушкина оказались очень действенными. Эта книга начало свое шествие по России. Затем была издана массовым тиражом Определением Ученого комитета Министерства просвещения. «Постановлено допустить ее в школьные библиотеки для старшего возраста средних учебных заведений». Главным управлением военно-учебных заведений эта книга была рекомендована для чтения юнкерам военных и юнкерских училищ и воспитанникам двух старших рот кадетских корпусов. Книга также была рекомендована для чтения и семинаристам. Это была вторая жизнь Сильвио Пеллико, умершего в 1853 г.

Третья жизнь Сильвио Пеллико начинается в России в наше время. Издательство «Терра» выпустило в 1995 г. его повесть «В темнице» вместе с двумя другими тюремными повестями.

И вот вниманию российских читателей предлагается впервые через 100 лет последней публикации отрывки из его второй книги - главный труд жизни - наставления юноше в сложное время жизни. Но на его нравственные призывы, я уверен, откликнутся сердца и старших поколений.

Обширен круг затронутых книгой тем.

Вот перечень глав "Наставлений":

Значение долга. Любовь к истине. Религия. Несколько советов. Человеколюбие и милосердие. Уважение к человеческому достоинству. Любовь к отечеству. Что такое истинный патриот. Сыновняя любовь. Уважение к старым людям и к предкам. Братская любовь. Дружба. Учение. Выбор призвания. О спокойствии духа. Раскаяние и исправление. Безбрачие. Уважение к женщине. Нравственное достоинство любви. Любовь, достойная порицания. Уважение к замужним женщинам и к девицам. Супружество. Отеческая любовь, любовь к детям и к юношеству. О богатстве. Уважение к несчастью ближних. Благотворительность. Уважение к знанию. Благопристойность. Благодарность. Смирение, кротость и всепрощение. Мужество. Высокое понимание жизни и мужественная смерть.

Такова эта книга. Цель этой публикации - привлечь внимание к "наставлениям ..." издателей и всех тех, кто может помочь переизданию в более широком масштабе столь полезной для сегодняшнего времени работы.

*Публикация, вступление и комментарии
Георгия Ровенского (г. Фрязино).*

Сильвио Пеллико

Предисловие

Эта книга предназначена для одного лица. Но я решился ее обнародовать в надежде, что может быть полезна и для юношества вообще. Это не ученый трактат, не научное исследование обязанностей человека. .

Долг человека, быть честным и богобоязненным, не нуждается в глубокомысленных доказательствах. Кто не находит этих доказательств в своей собственной совести, тот не найдет их ни в какой книге.

Я хотел только напомнить, какие обязанности встречаются человеку на его жизненном пути и высказать просьбу, чтобы эти обязанности были приняты во внимание и исполнялись бы с благородным постоянством.

Я старался избежать всего высокопарного в словах и в мыслях; мне казалось, что обсуждение настоящего предмета требует наибольшей простоты.

Тебе, юношество моего отечества, передаю я эту маленькую книгу с сердечными пожеланиями, чтобы она послужила тебе побуждением стремиться к добродетели и по возможности содействовала бы твоему счастью.

ГЛАВА 1 **Значение долга**

Мысль о долге для человека неизбежна; он не может избавиться от ее влияния. Долг неразрывно связан с нашим существованием. Наше сознание говорит нам это, как только мы начинаем мыслить, и оно говорит нам это тем определеннее и тем положительнее, чем больше мы мыслим и чем больше развивается наша мыслительная способность. То же говорит нам и окружающий нас мир. Он управляется вечными гармоническими законами, и все в нем имеет общую цель - возвестить и исполнить волю Существа, Которое есть начало и конец всего сущего.

Человек также имеет свое предназначение. Он должен быть тем, чем ему *надлежит* быть, или не будет уважаем другими, не будет уважаем другими, не будет уважать сам себя и не будет счастлив.

Стремление к счастью прирожденно человеку, и он должен убедиться, что оно для него достижимо только тогда, когда то, что составляет для него благо, находится в согласии с планом мироздания и с божественным определением. Под влиянием страстей мы впадаем в искушение - считать своим благом все то, что противоречит благу других и общему порядку, но *убедить* себя в этом мы не можем: совесть твердит нам, что - это не благо, и как только исчезнет страсть, то все, что находилось в противоречии с благом других и с общим порядком, начнет нам внушать одно отвращение. Исполнение долга так необходимо для нашего собственного благополучия, что даже страдания и смерть, по-видимому, величайшее для нас зло, превращаются в радость в сознании благородного человека, который страдает и умирает, служа ближнему или исполняя Божественную волю Всемогущего.

Долг человека, также и его счастье заключаются в том, чтобы он *был* тем, чем он *должен* быть. Религия выражает эту истину полными глубокого смысла словами: человек создан по образу и подобию Божию. Его долг и счастье *быть* он должен быть добрым потому что этим образом и ничем другим не *хотеть быть*; он должен быть добрым потому, что Бог добр и предназначил человеку возвыситься до всех Своих добродетелей и составить с Ним одно целое.

ГЛАВА II **Любовь к истине**

Наш первый долг - это любовь к истине и вера в нее.

Истина есть Бог. Любить Бога и любить истину - одно и то же. Мой друг, имей мужество стремиться к истине и не обманись фальшивым красноречием тех несчастных безумных софистов, которые повсюду сеют одни гибельные семена сомнения.

Разум бесполезен и даже вреден, если он тратится на опровержение и помрачение истины или на создание вредных умоположений; если он на основании того зла, что его окружает в жизни, выводит отчаянное заключение, что и сама жизнь не есть благо, и если он не признает общего порядка вселенной только потому, что он встречает в ней единичные, кажущиеся отступления от общего порядка. Разум бесполезен и вреден, когда пораженный тем, что все вещественное ощутимо и преходяще, он бросает веру в чисто духовное, бессмертное Я, и считает мечтой различие между добродетелью и пороком. Вреден разум и тогда, когда он хочет видеть в человеке одно лишь животное и ничего божественного.

Если бы человек и природа действительно были чем-то таким гнусным и скверным, то зачем еще тратить время на размышления. Самое лучшее, что разум мог бы внушить в таком случае, - это лишить себя жизни.

Но в человеке живо стремление к самосохранению, - единичные исключения в виде душевнобольных ничего не доказывают, - человек живет, чтобы стремиться к добру, и чувствует, что добро для него заключается не в том, чтобы унизиться и сравниться с червем, но в том, чтобы облагородиться и приблизиться к Богу. Поэтому ясно, что лучшее, что может сделать для человека разум, всегда будет то, когда он даст человеку высокое представление о достижимом для него совершенстве и толкнет его на путь к достижению этого совершенства.

Раз мы это признаем, то бодро отбросим от себя все сомнения, всякое низкое и недостойное мировоззрение и поставим себе долгом - верить в одно истинное, прекрасное, доброе. Но для того, чтобы верить, нужно *хотеть* верить и всем сердцем любить истину.

Любовь к истине *одна* дает бодрость духа; кто живет во всем сомневаясь, тот ослабляет свою духовную силу.

Верь в истину, но в то же время будь и сам всегда во всем, в словах и делах, строго правдив. Человеческая совесть только в истине находит покой. Кто лжет, тот носит в самом себе наказание, хотя бы ложь и не обнаружилась; он всегда почувствует, что изменил своему долгу и унизился.

Чтобы не увлечься подлой привычке лгать, нет другого средства, как поставить себе за правило - не лгать *никогда*. Как только из этого правила сделано одно малейшего исключение, то нет никакого основания не сделать их два, три, пятьдесят, бесчисленное множество. Отсюда происходит то, что у массы людей мало помалу вкореняется страшная склонность - сначала притворяться, преувеличивать и, наконец, лгать.

Наихудшие времена те, когда господствует ложь. Тогда возникает всеобщее недоверие. Тогда являются во множестве клятвопреступления и вероломства, тогда, при различии политических, религиозных и научных мнений, ведется ожесточенная борьба партий, причем всякий с жадностью хватается за самый ничтожный повод, свидетельствующий против другого, в суетном стремлении во чтобы то ни стало унижить противника. Кто сам не обладает простым чистым сердцем, тот всегда считает фальшивыми других.

Ты живешь в такое время, когда ложь и безграничное недоверие - повседневные явления. Старайся, тем не менее, избегнуть этих недостатков. Будь великодушно склонен верить искренности других, не сердись, когда другие не верят твоей правдивости; довольно с тебя, что она сияет «в глазах Того, Кто видит все».

ГЛАВА III Религия

Установивши твердо, что человек не только животное, но что в нем есть и нечто божественное, мы должны относиться с величайшим благоговением к тем чувствованиям, которые способствуют облагораживанию человека. Этому облагораживанию более всего способствует стремление человека, несмотря на все свои недостатки, к совершенствованию, к счастью, к Богу; поэтому мы должны признать религию во всей ее красоте и исполнять все ее предписания.

Пусть тебя не смущают лицемеры и грубые люди, которые за твою религиозность дерзают называть тебя ханжой. Еще меньше должно вводить тебя в заблуждение то, что ты, как христианин, сталкиваешься со многими заурядными людьми, которые не в состоянии понять всей возвышенной христианской религии. Богобоязненность нельзя считать качеством, свойственным простолюдинам потому только, что стоящий на низших ступенях общественной лестницы должен и может быть богобоязненным. Раз и невежда должен быть честным, так неужели же развитой человек должен стыдиться своей честности

Благодаря твоему разуму и полученному образованию ты мог прийти к убеждению, что нет религии чище христианской: она свободнее от ошибок, возвышеннее, святее других и в ней больше выражен божественный характер. Ни одна религия так не способствовала развитию и распространению добрых нравов и уничтожению рабства. Ни одна так определенно не указывает людям на их родство с Богом и на то, что все они равны перед Ним.

Обдумай все это и особенно прими во внимание непоколебимость исторических доказательств, которые выдерживают всякую беспристрастную критику. Чтобы не обмануться насчет ценности этих доказательств какими-нибудь кажущимися доводами, вспомни еще об огромном числе выдающихся людей, которые признали те доказательства за убедительные, начиная с первых отцов Церкви и кончая некоторыми выдающимися мыслителями нашего времени.

Всякий народ дает тебе такие славные имена, которые ни один неверующий решится считать незначущими.

Знаменитый, столь ценимый эмпирической школой, *Бэкон* не только не был не верующим, как его горячие почитатели, но всегда признавал за истинного христианина. *Гроций* был христианином, хотя и заблуждался в некоторых случаях; он же написал книгу об истинной религии. *Лейбниц* был самым ревностным защитником христианства, *Ньютон* не нашел для себя недостойным написать книгу о сходстве Евангелий. *Локк* писал о разумном христианстве. *Вольт*, этот превосходный естествоиспытатель с самой многосторонней ученостью, был в то же время всю свою жизнь истинным христианином. Подобных людей и много других можно с полным основанием выставить как доказательство того, что христианство находится в полном согласии с разумом, но не с узким, односторонним, ослепленным своею склонностью к насмешке, а с разумом высшим, многосторонним и беспристрастным во всех своих исследованиях и выводах.

ГЛАВА IV Несколько мыслей

Между выдающимися людьми есть и люди неверующие, а между уверующими много таких, вера которых полна несообразностей и противоречий. Много писали они и против христианской веры, но ничего не могли доказать все же они в конце концов должны были сознать глубокую премудрость той самой религии, которую так плохо поняли или правилам которой так дурно следовали.

Нижеследующие доводы, хотя и не имеют заслуги новизны, но не теряют оттого своего значения, и я считаю полезным повторить здесь.

Ж.Ж Руссо говорит в "Эмиле" следующие всем памятные слова: «Я признаюсь, что поражен величием св. писания, Святость Евангелия говорить моему сердцу. Как малы сравнительно с ним великие книги философов! Может ли такая возвышенная и в то же время такая простая книга быть творением человека? Может ли быть Тот, Чью жизнь она изображает, простым смертным? Жизнь Сократа гораздо меньше засвидетельствована, чем жизнь Иисуса Христа, и, однако, никто в ней никогда не сомневался. Гораздо менее понятно, каким образом могли бы несколько человек сговорившись, написать подобную книгу с вымышленным содержанием, чем то, что жизнь одного единственного послужила для него материалом. Да и притом

св. Евангелие ознаменовано чертами такой высокой очевидной истины, что его изобретатель был бы даже более достоин удивления, чем Тот, о Ком оно говорит».

Далее Руссо говорит: "Избегайте людей, которые под тем предлогом, что говорят вам истину, поселяют в сердцах ваших свои гибельные учения. Опрокидывая и топча ногами все, что для человека достойно высокого почитания, они в то же время отнимают у страждущего последнее утешение в несчастьи, а у сильного - единственное средство обуздания своих страстей; они лишают злых возможности раскаяться, а у добрых отнимают последнюю надежду; при этом они еще похваляются тем, что они благодетели человеческого рода. Истина никогда не может вредить, говорят они. Это справедливо, но ведь нужно сильное доказательство того, что их учение есть истина. Монтескье, хотя и заслуживающий упрека как христианина, восставал против того, что христианству приписывались такие вещи, в которых, оно было неповинно. Бель (Bayle), говорит он, ни во что не ставит христианскую религию, как и вообще все религии в мире, он утверждает, что христиане никогда не образуют долговечного государства. Это не основательно. Государство, где граждане проникнуты сознанием своего долга и высказывают горячее рвение к исполнению своего долга и высказывают горячее рвение к исполнению его, всегда должно существовать, такие граждане признают право защиты страны, потому что, принявши обязанности, налагаемые религией, они сознают также и свой долг по отношению к своему отечеству. Удивительно! Христианская религия, которая занята, по-видимому, только загробной жизни, основывает также наше благосостояние в этой жизни" (Esprit des lois, 3, гл. 6). Далее он говорит:

"Люди оказывают несправедливость религии, когда, забывая ее благотворное влияние, делают длинный перечень того зла, который сопровождало ее распространение. Если бы захотеть указать все то зло, что сделано миру законом всех форм правления, от монархической до республиканской, то можно бы разыскать ужасающие вещи. Когда же мы вспомним вечное кровопролитие греческих и римских полководцев, их разбойничьи походы, уничтожавшие города и народности, вспомним жестокие деяния Тимура и Чингиз-хана, опустошавших Азию и Европу, тогда только мы поймем, чем мы обязаны христианству, - это оно дало нам определенное государственное пра-

во во время войны, а за все это человечество никогда не может быть ему достаточно благодарным" (там же 1 ХХІУ. Гл. 2 и 3).

Великий Байрон, этот изумительный человек, который, к сожалению, превозносит то добродетель, то порок, то истину, то заблуждения, сам мучился жгучей жаждою добродетели и истины; и в своих писаниях он оставил нам свидетельство того глубокого уважения, которое он питал к христианской религии.

То же можно сказать про его друга и величайшего после него поэта Англии - Томаса Мура, долгие годы боровшегося с религиозным сомнением и, наконец, вновь вернувшегося в лоно христианской Церкви. (Далее всеми российскими издателями опускаются рассуждения С. Пеллико о превосходстве католической религии как "не имеющего никакого общественного интереса"- Г.Р.).

ГЛАВА V Несколько советов

Вышеизложенные размышления и бесчисленные доказательства, которые можно привести в пользу христианства, пусть помогут тебе, мой друг, принять следующее твердое решение. Повторяй себе чаще: «Я хочу быть нечувствителен ко всем блестящим, но ничего не доказывающим доводам, сияющим опровергнуть мою веру; я вижу как несправедливо то мнение, что христианская вера делает дух несвободным и что она гордится лишь для варварских времен, а не для нашего просвещенного века. Нет, как она годилась для азиатского, греческого или римского просвещения и для различных периодов средних веков и для всех народов, с тех пор цивилизовавшихся, как и теперь она вполне удовлетворяет требования величайших носителей современной мысли. Я вижу, что, начиная с первых еретиков и кончая школой Вольтера с его последователями включительно, все они имели притязание на то, что поучали чему-то лучшему, но ничего не сделали. Следовательно, пока я враг невежества и друг истины, я всегда буду радоваться, что я христианин, и сожалеть всякого, кто смеется надо мною и дерзает считать себя ханжой и фарисеем».

Если ты все это понял и сознал, то и будь тверд и постоянен. Почитай и душой и сердцем свою религию и проповедуй ее перед всеми верующими и неверующими, но исповедуй ее не холодным внешним соблюдением богослужебных обрядов, а оживи эту обрядность возвышенностью твоих мыслей. Дивись величию тайн религии, не стараясь суемудренно разоблачить их; проникнись добро-

детелями, которые исходят из этих тайн религии, не стараясь суетно разоблачить их; проникнись добродетелями, которые исходят из этих тайн, и не забывай никогда, что поклонение Богу только молитвой не имеет никакой цены, а что мы должны Его чтить и всеми нашими делами.

Есть много людей, которые поняли красоту и истинность веры и чувствуют, что он выше всякой мудрости, что она противна всякой несправедливости и что она лучше всего развивает все преимущества человека, и эти люди следуют все-таки печальному примеру толпы и живут так, как будто христианство существует только для черни, а не для просвещенных людей. Но знай, что эти люди навлекают на себя гораздо большую ответственность, чем совершенно неверующие, а таких, к сожалению, очень много.

Я ведь также принадлежал к числу последних и знаю, каких усилий стоило освободиться от этого невыносимого состояния. Но не бойся, если бы тебе пришлось очутиться в подобном положении. Не давай только над собой власти насмешкам людей тогда, когда нужно высказать достойное чувство, а скажи мне, есть ли чувство, достойнее любви к Богу?

Если ты поборол ложные взгляды и свое собственное равнодушие, то берегись явить противникам религии жалкое зрелище смешного колебания и малодушного сомнения. Смирись перед Богом и людьми, но не забывай и своего человеческого достоинства и никогда не отвергай здравого рассудка. Только дух гордости и разум, лишенный любви, может противиться святому Евангелию.

ГЛАВА VI

Человеколюбие и милосердие

Только религия внушает человеку долг истинного человеколюбия и милосердия. Милосердие есть святое слово, и в этом слове есть нечто божественное, хотя многие софисты употребляли им во зло. Апостол Павел применяет его также к той любви, которую Бог питает к людям. Он говорит в посл. к Титу гл. III ст. 4. «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога».

Всемогущий любит людей и хочет, чтобы и каждый из нас также любил их. Как было уже сказано раньше, мы только тогда можем быть добры и довольны собой и можем уважать себя, когда мы подражаем Ему в той любви, которая делает наших ближних добродетельнее и, по возможности, приносить им добро.

От этой любви зависит почти все достоинство человека, и она-то составляет значительную часть той любви, которую мы должны питать к самому Богу, как это ясно видно из нескольких прекрасных мест св. писания и в особенности из следующего:

«Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным или в темнице, и пришли к Тебе? и Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матф. XXV, 34-40).

Итак, создадим же себе в душе высокий идеал человека и будем стремиться к его достижению. Но есть ли надобность искать этот идеал, когда сама религия дает нам таковой, да еще такой возвышенный! Тот, Кого она нам ставит за образец, это человек чрезвычайной силы и мягкости, непримиримый враг лицемерия и угнетения, человеколюбец, прощающий все, кроме упорного непокаяния; Который презирает месть и тогда, когда в Его власти мстить врагам своим; Который с бедными обращается как с братьями, а счастливых не упрекает в их счастье, когда они не забывают бедных братьев своих; Который ценит людей не по степени их могущества или образования, а за их сердечные стремления и за их деяния. Это - единственный истинный Мудрец, на котором нет ни малейшего пятна. Это полное божественное откровение в одном существе, подобное нам, это - Богочеловек.

С каким уважением будет относиться к человечеству тот, кто носит в сердце такой высокий образец. Любовь всегда находится в связи с почитанием. Чтобы сильно любить человечество, нужно его и глубоко уважать. Тот же, кто составил себе неясное представление о человеке и кто считает человеческий род за стадо хитрых бессмысленных животных, которые рождены лишь для того, чтобы есть, плодиться, двигаться и затем обращаться в прах, кто в просвещении, искусствах и непобедимом стремлении к прекрасному добру и божественному не хочет видеть ничего высокого, тот не может должным образом уважать и любить своих ближних, поощрять их к

общему стремлению к добродетели, и не может жертвовать собой для счастья человечества.

Чтобы любить человечество, нужно без раздражения относиться к людским слабостям и недостаткам. Если ты видишь людей в состоянии невежества, то вспомни, каким великим даром владеет человек; дар этот - его духовная сила: благодаря ей, самый невежественный человек может подняться до всех общественных добродетелей, т. е. мужества, сострадания, благодарности и справедливости. Есть люди, которые никогда не могут усовершенствоваться и сделаться добродетельными, но это, к счастью, единичные примеры, не имеющие отношения к человечеству вообще. Один Бог знает, должно ли их винить и насколько. Нам довольно знать лишь одно, что от каждого из нас потребуются отчет *только в том*, что мы сами получили от природы.

ГЛАВА VII

Уважение к человеческому достоинству

Мы встречаем в среде людей таких мужей, в которых выражено все нравственное величие человечества; эти люди могут служить для нас путеводною звездой в достижении того, чем мы должны быть. Дело не в том, чтобы достигнуть их известности, но в том, что мы безусловно можем сравняться с ними в их нравственном достоинстве и в развитии всех благородных свойств, разумеется, если мы, при разуме, данном нам природою, все же не останемся в вечном младенчестве.

Если мы были склонны относиться к человечеству с пренебрежением только потому, что видим, или узнали из истории, как много это человечество совершает преступлений, то нам нужно вспомнить и тех достойных удивлений людей, которые являются светочами той же истории.

Благородный, часто мрачно настроенный Байрон только этим способом, как он мне говорил, мог избавиться от человеконенавистничества. Первый великий человек, образ которого всегда восстает в моей душе, говорил мне Байрон, был *Моисей*. Он поднял низко упавший народ и спас его от стыда идолопоклонства и рабства; он дал ему мудрый завет; чудесную связь между религией патриархов с верой вновь наступивших времен, с Евангелием. Его пример и его учреждения послужили Господу средством создать в своем народе

великих государственных людей, мужественных воинов, честных граждан и святых борцов за справедливость, призванных возвестить падение гордых и лукавых и - грядущее просвещение всех народов. Когда я думаю о некоторых великих людях и особенно о моем Моисее, то всегда с воодушевлением повторяю прекрасный стих Данте: «их лицеизерение мне новую вливает силу!», и я снова лучше думаю о плоти Адама и духе, в ней обитающем.

Эти слова величайшего английского поэта останутся неизгладимыми в моей душе, и я признаюсь, что пример Байрона не раз спасал и меня от пагубного человеконенавистничества.

Несомненно, что самое существование великих людей опровергает всякое превратное мнение о достоинстве человеческой природы. Как много великих людей мы находим в далекой древности во времена римлян, в варварские и средние века и в современной нам просвещенной эпохе. Сколько отцов Церкви, мучеников за истину, утешителей страждущих, дивных величием своей мудрости и пламенной любовью к ближнему! Сколько мужественных героев, борцов за справедливость, искателей света, великих поэтов, мудрых ученых, дивных художников! Но ни далекая древность ни необычная судьба этих людей не дают нам права предполагать, что они были созданы иначе, чем мы. Нет, это были такие же смертные, такие же люди, рожденные от женщины, которые, как и мы, испытали все страдания, свойственные людям, имели их страсти и должны были бороться со своими дурными наклонностями, стыдиться самим себя и порою с громадным трудом побеждать свое собственное я.

Бытописание всех народов, и другие памятники, дошедшие до нас, повествуют нам только о небольшой части благородных людей, живших на земле. И ныне также живут тысячи неизвестных и ничем не знаменитых людей, которые плодами своего ума и своими благородными делами возвышают человечество, ежедневно делая честь имени человека и тем осуществляют мысль о союзе добрых людей, все же нельзя забывать о массе безумных и развратных; нам надо помнить, что человек всегда может снискать уважение к своей личности благоразумием, предохранить себя от разврата и во всякое время, какова бы ни была его судьба, украсить себя всякими добродетелями.

Отдадим же ему дань должного уважения и признаем в человеке стремление к бесконечному совершенствованию, удостоверясь, что он принадлежит к бессмертному миру идей гораздо более, чем к

временной земной жизни, основным законом которой он подчиняется подобно животным и растениям.

Принявши все это во внимание, мы почувствуем, что наше участие к человеку возрастает и его бедствия и ошибки вызывают в нас сострадание, когда мы подумаем о благородстве его природы. Нам грустно будет лицезреть унижение владыки земли, мы пожелаем загладить его неправоту и охотно протянем ему руку, чтобы он снова поднялся из праха на подобающую ему высоту. Мы искренне возрадуемся, когда он, помня свое человеческое достоинство, как среди страданий, так и среди тяжелейших испытаний, остается непобедимым и со все превосходящей силой воли приблизится к своему Божественному идеалу.

ГЛАВА VIII

Любовь к отечеству

Все стремления людей, связывающие между собою и делающие их добродетельными, благородны. Циник, у которого против всякого высокого чувства есть свои кажущиеся доводы, обыкновенно выставляет против любви к отечеству свою любовь к человеку. «Мое отечество, - говорит он, - весь мир. Тот уголок, в котором я родился, не имеет никакого права на мою предпочтительную любовь, так как этот уголок не может сравняться с другими странами, где живет так же хорошо или даже еще лучше. Любовь к отечеству - не что иное, как страшный эгоизм, общий известному кругу людей, которым хочется найти основание ненавидеть все остальное человечество».

Друг мой, не дай овладеть собою этой недостойной философии; ее намерения - унижить человека, отрицая его добродетели и называя все возвышенное мечтою, глупостью, сумасбродством. Говорит красно против всякого доброго стремления, против всякого побуждения на пользу общественного блага нетрудно, но такое красноречие достойно полного презрения.

Цинизм повергает человека в прах, истинная мудрость извлекает его оттуда; она всегда бывает в унисон с верою и освящает любовь к отечеству.

Мы могли бы сказать, что весь мир - наше отечество; все народы ведь - члены одной большой семьи, которая, хотя в силу своей об-

ширности и не может иметь одного общего правителя, но зато имеет одного верховного владыку - Бога.

Рассматривая все сродные нам разумные создания, как членов одной большой семьи, мы относимся благосклоннее ко всему человечеству вообще. Так или иначе, но деление человечества на народы существует. Каждый народ есть собрание людей, связанных между собою общею религиею, общими законами, нравами, языком, происхождением, общею славою, страданиями и надеждами. Называть эгоизмом это чувство связи и общности интересов между всеми членами одного народа - одно и то же, что в припадке злобы поносить родительскую любовь, видя в ней заговор между отцом и сыном. Поймем же, что всякую истину можно рассматривать с разных сторон, и что ни одно добродетельное чувство не должно остаться без развития, хотя исключительное развитие одного из них неминуемо может стать вредным. Любовь ко всему человечеству, бесспорно прекрасное чувство, но оно не должно вытеснять любовь к своей родине; любовь к отечеству несомненно прекрасна, но она отнюдь не должна уничтожать любви ко всему человечеству.

Горе тому, чье сердце не влечет его к его брату, к взаимному уважению людей и к подаванию помощи человеку. Два европейских путешественника встречаются в другой части света. Один, положим, из Турина, другой из Лондона. Оба они европейцы, и этого названия достаточно, чтобы между ними образовалась дружеская связь, я бы даже сказал: род патриотического единодушия, а, следовательно, и похвального рвения помочь друг другу.

Вот, например, люди, которые не понимают друг друга, говоря на различных языках; трудно поверить, чтобы их могла связывать любовь к родине, между тем это так; это - швейцарцы: один из итальянского, другой из французского, третий из немецкого кантона. Общий политический союз, охраняющий их, заменяет им недостаток общего языка, сближает их и заставляет их любить друг друга и великодушными жертвами содействовать благу отечества, хотя последнее и не состоит из одного народа. Иное видим мы в Италии и Германии: в каждом из этих государств нация образовалась из различных народностей под сенью разных законов; но все они говорят или, по крайней мере, пишут на одном языке, чтят общих предков и гордятся общей литературой; у них есть сходные склонности и общее всем стремление к взаимной помощи, дружбе и уважению; между ними существует сочувственная, дружественная связь.

Любовь к отечеству, относится ли она к большой, или маленькой стране, всегда одинаково высока. Нет такой маленькой страны, которая не имела бы собственной славы, князей, которые более или менее усилили ее власть, памятных исторических событий, благоустроенных городов, какой-нибудь выдающейся достойной уважения черты характера ее народности или людей, прославившихся в политике, науке или искусстве. Не достаточно ли этого, чтобы каждый чувствовал особое предпочтение к своей родимой области, к своему городу или к своему селу. Но любовь к отечеству никогда не должна привести нас к суетной гордости. Раз мы - дети какой-нибудь определенной местности и думаем, любя нашу родину, что мы должны с презрением относиться к другим городам, провинциям и народам, то такая узкая, завистливая, грубая любовь к отечеству не только не добродетель, но даже крупный, дикий недостаток.

ГЛАВА IX

Что такое истинный патриот

Мы тогда только действительно искренно любим свое отечество, когда в себе самих даем ему таких граждан, которыми оно должно гордиться. Пренебрежение к религии и добрым нравам так же мало совместимо с истинною любовью к отечеству, как и отрицание долга супружеской верности с истинною супружескою любовью. Когда человек, пренебрегающий Церковью, святостью брака, благопристойностью и честью, говорит о своей любви к отечеству - не верь ему: это низкое лицемерие, и этот человек, наверное, дурной гражданин.

Истинным другом отечества может быть только добродетельный человек, который сознает и с любовью исполняет все свои обязанности.

Патриот не имеет ничего общего ни с тем, кто льстит высшей власти, ни с тем, кто задорный враг ее.

В государственной службе, будь человек солдат или чиновник, его целью должно быть не собственное обогащение, но честь и благо его государя и народа. Если он частное лицо, то все-таки честь и благо государя и народа должны быть живейшим желанием; он не должен делать ничего, что не согласно с эти благом, а обязан делать лишь все возможное, чтобы всеми силами способствовать этому благу. Он знает, что во всяком обществе существуют злоупотребления, к уничтожению которых он и должен стремиться, но ему долж-

на быть ненавистна необузданность тех, которые хотели бы достигнуть уничтожения этого насилием и кровавыми деяниями.

Кровопролитие это самое ужасное и неисправимое из всех злоупотреблений. Патриот не возбуждает никакого раздора между гражданами, а, умиротворяя их неразумные стремления, по мере своих сил, словом и примером, склоняет их к миру и уступчивости. Но раз отечество взывает о защите, он перестает быть агнцем: *он - лев.*

Тогда он борется *и побеждает или умирает на своем посту.*

ГЛАВА X

Сыновняя любовь

Поприще твоих действий начинается в семье. Отеческий дом - первая школа добродетели. Что нам думать о тех, которые утверждают, что любят свое отечество и, гордясь своим героизмом, забывают в то же время свою первейшую обязанность - сыновнюю любовь?

Ни любовь к отечеству, ни героизм не могут ужиться в том сердце, где свила себе гнездо черная неблагодарность к родителям.

Как только уму ребенка становится доступна мысль о доме, то сама природа начинает ему твердить: люби своих родителей. Инстинкт сыновней любви так силен, что, казалось бы, не нужно никаких забот для его поддержания на всю его жизнь. Но, повторяю, для всех добрых инстинктов нужна сильная поддержка воли. Раз не должен тот, кто гордится своею любовью к Богу, отечеству и человечеству, питать глубочайшее уважение к тем людям, посредством которых Творец создал его человеком и гражданином?

Отец и мать по природе - наши первые друзья: им мы обязаны всем, что мы имеем, и поэтому вполне естественно, что мы должны питать к ним благодарность, почтение и любовь.

Иногда бывает так, что постоянные сношения с близкими людьми приучают нас к невнимательности по отношению к ним. Будем остерегаться подобной несправедливости. Тот, кто стремится к совершенствованию, должен во всех своих привязанностях выказывать известную внимательность и нежность.

Быть нежно внимательным вне своего дома и в то же время нелюбезным к своим родителям, по-моему, просто непростительно. К вежливости и обходительности нужно приучаться еще с детства и приучаться именно в родной семье.

Что же дурного, говорят многие из нас, если дети свободно обращаются со своими родителями? Ведь родители знают, что дети их любят; к чему же эта внешняя вежливость, когда детям бывает скучно или они в дурном расположении духа? Но если ты хочешь подняться выше всего заурядного, то не думай так, потому что, если свободным обращением называется грубая небрежность, то нет столь тесного родства, в котором ее можно было бы допустить.

Тот, кто не может принудить себя быть дома, как и вне его, приятным для всех, кто не может стремиться к добродетели и уважать человека в самом себе и Бога в человеке, тот трус. Мы только во сне имеем право отдыхать от похвальных усилий быть добрыми и любезными со всеми.

Сыновняя любовь не есть только долг благодарности, но также и необходимый долг благопристойности. В том редком случае, когда человек имеет недостойных уважения родителей, они все-таки должны высоко стоять в его глазах, как люди, давшие ему жизнь; для него было бы позором, если бы он обращался с ними небрежно или с полным неуважением. В таком случае тем похвальнее то внимание, которое он им выкажет, потому, что он все-таки исполняет лишь закон природы и платит должную дань собственному достоинству.

Горе тому, кто становится судьей своих родителей из-за какого-нибудь проступка с их стороны! Когда и к кому мы можем быть снисходительны, если мы не можем быть таковыми по отношению к отцу и матери?

Дико и несправедливо ставите непременно условием сыновней любви безупречность и совершенство родителей. Мы все хотим быть любимы и уважаемы, а разве мы всегда безупречны? Даже если бы наши родители и далеко удалялись от идеала, то мы все-таки должны стараться извинить их и обязательно скрыть от глаз других их неправоту, выставя напоказ лишь их добрые качества. Наш нрав только улучшится от этих благородных усилий; мы сделаемся мягче и научимся ценить достоинство и в других.

О, друг мой! пускай тебя чаще осеняет печальная мысль: кто знает, не будут ли скоро покоится в могиле эти почтенные седины, которые ныне я еще вижу перед собою! Ах, пока ты еще с ними, чты их и облегчи им бремя их жизни. Не увеличивай печали старости, их и без того достаточно, но пусть твое доброе и полное любви и внимания обращение оживляет и радует ее. Каждая улыбка, которую ты

вызовешь на ее увядшие уста, каждая радость, которую ты возбудишь в ее утомленном сердце, будет для нее благотворна, ибо Бог всегда услышит молитвы отца и матери, возносимые ими к Его престолу за их благодарного сына.

ГЛАВА XI Уважение к старым людям и к предкам

Чти во всяком человеке преклонных лет образ твоих родителей и предков. В глазах каждого порядочного человека старость имеет право на уважение.

У спартанцев был закон, по которому юноши должны были вставать при входе старца, молчать, когда он говорил, и при встрече уступать ему дорогу. Было бы желательно, чтобы все это делалось и у нас, хотя бы из благопристойности, так как закон этого не предписывает.

В этом почтении к старости проявляется столько нравственной красоты, что даже те, которые и не признают этого правила, невольно уважают тех, которые его исполняют.

Один старец из Афин искал однажды места на олимпийских играх в то время, когда все ступени амфитеатра уже были заняты. Молодые афиняне, сидевшие неподалеку, подозвали его к себе, и когда он, наконец, с трудом добрался до них, то вместо того, чтобы уступить ему место, они встретили его грубыми насмешками; бедный старик, сопровождаемый бранью, достиг того места, где сидели молодые спартанцы. Последние, по святому обычаю своей страны, скромно встали и дали ему место около себя. Афиняне, только что высокомерно осмеявшие старика, были поражены великодушным поступком своих противников, и со всех сторон раздались громкие возгласы живейшего одобрения. Слезы потекли по щекам старца. «Афиняне, - сказал он, - понимают содеянное добро, а спартанцы его делают».

Александр Македонский (здесь я охотно признаю его великим) даже в то время, когда ряд неслыханных успехов поневоле сделал его гордым, всегда выказывал смирение перед старостью.

Однажды он был задержан во время похода глубокими снегами; он велел разложить огонь; греясь перед костром, он увидел среди своих воинов престарелого человека, дрожавшего от холода; он поспешил к полуокоченевшему старику и теми же непобедимыми руками, которыми он сокрушил трон Дария, он поднял его и посадил на свое место.

Парини говорит: «Только тот человек действительно зол, который не чтит старость, женщин и несчастье». Он сам пользовался всем своим влиянием на своих учеников, чтобы внушить им почтение к старости. Однажды он рассердился на одного юношу, о тяжелой провинности которого ему сообщили; после этого он встретился с ним на улице в то время, когда молодой человек мужественно защищал какого-то старого монаха от оскорбления солдат. Парини поспешил к нему на помощь, обнял его и сказал: «Только что я считал тебя злым, но теперь, когда я вижу, как ты защищаешь старость, я вновь верю в то, что тебе доступны все добродетели».

Особенного почтения от нас должна заслужить старость тех, которые в нашем детстве и юности несли на себе тяжелые обязанности нашего воспитания и, по мере своих сил, заботились о развитии нашего ума и сердца.

Мы должны относиться снисходительно к их недостаткам и великодушно помнить о том, сколько забот причиняли мы им, сколько любви выказали они нам и какое утешение доставит им впоследствии наша любовь. Кто отдается воспитанию юношества, тот никогда не может быть вполне вознагражден за свой труд деньгами. Его труд - не труд наемщика: он - заместитель отца и матери.

Мы должны с детскою покорностью следовать за теми, кто старше нас, уже потому, что сама природа поставила их над нами.

Мы должны с сыновним почтением относиться к памяти всех людей, которые принесли пользу родине или всему человечеству. Их творения, портреты и могилы должны быть для нас всегда священные.

Бросив, наконец, взгляд на прошедшие века, мы должны будем признать, что масса современного зла есть следствие ошибок и страстей прошедшего; пожалеем об этом, но воздержимся от искушения строго осуждать наших предков и отнесемся к ним снисходительно.

Они предпринимали войны, которые мы теперь осуждаем, но может быть, они были принуждены к тому простительным заблуждением, которое мы не можем теперь оценить за дальностью времени.

Они прибегали, правда, к чужеземной помощи; которая, как всегда, имела самый печальный исход, но может быть, и в этом случае их можно было бы извинить тем, что это делалось из нужды или по заблуждению?

Они создавали учреждения, которые нам не нравятся, но которые могли быть хороши для своего времени. Может быть, они и были

наилучшими, какие человеческая мудрость могла дать при тогдашнем состоянии общества?

Критика должна быть прозорлива, но и справедлива к тем, которые не могут восстать из гробов, чтобы сказать: «Внуки! в наших действиях мы руководствовались тем-то и тем-то!» Припомните знаменитые слова Катона старшего: «Трудно сделать понятным для новых поколений то, что лежало в основе образа действий их предков и что могло бы оправдать их поступки».

ГЛАВА XII Братская любовь

Всю силу любви, которую ты должен питать к своим ближним, обрати сначала на своих отца и мать, а затем на тех, с кем ты теснее всего связан, кто имеет общих с тобою родителей, на твоих братьев и сестер.

Чтобы узнать как следует божественное искусство - любить, нужно начать учиться ему в своей семье.

Как должна быть отрадна мысль: «Мы - дети одной матери!»

Какое наслаждение иметь с братьями одни и те же предметы благоговения. Узы крови и сходство привычек создают между братьями и сестрами внутреннюю связь, подавить которую мог бы только страшный эгоизм.

Если хочешь быть хорошим братом, то берегись себялюбия. Старайся всегда быть великодушным относительно твоих кровных. Каждый из них должен видеть, что их благо тебе так же дорого, как твое собственное. К их недостаткам относись еще снисходительнее, чем к недостаткам чужих людей. Радуйся их добродетелям, подражай им, но и старайся служить им примером. Заставь их благословлять судьбу за то, что она дала им в тебе такого брата.

Нельзя перечислить все поводы к выражению дружеской благодарности, теплой привязанности и нежного внимания, которые постоянно содействуют укреплению братской любви. Но нужно все же внимательно искать случая это выразить, а этот случай может пройти незамеченным.

Никто не может без усилия приобрести тонкого понимания поэзии или живописи; так точно без постоянного желания никто не может достигнуть понимания нежной братской любви или равного ей чувства.

Несмотря на близость домашних отношений, ты должен всегда быть со всеми кровными крайне вежлив. В обхождении с сестрами

будь еще любезнее. Их пол в высокой степени одарен кротостью, божественным даром, который он в большинстве случаев употребляет для того, чтобы смягчить мрачность жизни или строгость родительского гнева. Чти в них кротость женских добродетелей и радуйся их просветляющему влиянию на твой дух и на твое сердце; а так как природа создала их слабее, нежнее и нервнее тебя, то ты тем более должен стараться утешить их в их горестях, никогда их не огорчать самому и всегда оказывать глубочайшее уважение и самую нежную любовь.

Кто привык быть злым и недружелюбным относительно своих сестер, то навсегда останется таковым и относительно всех вообще. Если, наоборот, все члены семьи были тесно связаны между собою любовью и дружбой, то человек, покинув семью, сохранит по отношению к другим членам общества то же теплое чувство и благородное стремление к добру, которые явились плодом постоянного упражнения в возвышенных чувствах в кругу семьи.

ГЛАВА XIII

Дружба

Твои природные друзья - это родители, родственники, а так же и учителя, которые в высокой степени заслуживают твоего уважения; кроме того, ясно, что ты будешь чувствовать дружеское влечение и к людям приблизительно твоего возраста, добрые свойства которых тебе еще неизвестны.

Когда же ты должен следовать этому влечению, а когда - подавлять его?

Ответ весьма прост. Мы обязаны относиться доброжелательно ко всем людям, но обращать это доброжелательство в дружбу мы должны лишь по отношению к тем, которых мы можем искренно уважать. Дружба есть братский союз, и в своем высшем значении она есть высший идеал братства. Дружба это есть полное созвучие двух-трех и редко многих душ, которые сделались необходимы друг другу, которые способны друг друга понимать и друг другу помогать. Дружба исключает возможность не только дурного слова, но даже и дурной мысли, а зато всегда требует великодушной доверенности.

«Из всех союзов, - говорит Цицерон, - нет благороднее и прочнее того, когда добродетельные люди с одинаковыми наклонностями связаны взаимным влечением».

Не унижай святого значения дружбы тем, что будешь называть своим другом первого попавшегося на твоём пути человека

Не называй никогда своим другом того, кто пренебрегает религией, кто не хранит своего человеческого достоинства или не считает первым долгом любить свое отечество всей силой своей души, кто является непочтительным сыном и дурным братом, хотя бы он по своей красоте, обращению, обширным знаниям и даже сильному стремлению к великим деяниям был достойным удивления человеком. Избегай всякой близости с ним даже тогда, когда он выражает к тебе живейшую склонность. Только истинно добродетельный человек имеет все качества, необходимые друг для друга.

Пока ты не убедился в его высоких качествах, возможность противного пусть удерживает тебя в границах простой вежливости. Сердечная привязанность слишком серьезная вещь, и большая поспешность в этом деле - непозволительное и непростительное легкомыслие. Кто связывается с безнравственным человеком, то сам разрешается или, по крайней мере, бросает на себя неблагоприятную тень.

Но зато *благо тому, кто нашел истинного друга!* Предоставленная доколе собственным силам добродетель его легко ослабевала, но она удваивается ныне благодаря примеру и поощрению друга. Не оценивая себя по достоинству, он, бывало, терял мужество, как только замечал в себе какой-нибудь недостаток; уважение любимого человека поднимает его ныне в его собственных глазах. Он стыдится не обладать всеми качествами, которые могут заслужить одобрение его друга, и даже запасается мужеством и работает над своим самосовершенствованием, так как ему приятно, что его друг заметил его добрые качества; он благодарен ему за это и старается все приобретать новые. Таким образом, дружба является могущественным средством, благодаря которому человек поднимается на такую ступень совершенства, от которой он был очень далек, и, не приобретя друга, вероятно далеко бы, и остался.

Не хлопочи чересчур о том, чтобы иметь друзей. Лучше вовсе не иметь друга, чем раскаиваться в слишком поспешном выборе. Но раз найдешь друга, люби его чистосердечно.

Это благородное чувство признавалось искони всеми философами и самою верой.

В св. писании мы находим возвышенные и прекрасные примеры дружбы: «Сердце Ионафана привязалось к сердцу Давидову». – «Он любил его, как свою душу». Но еще более дружба освящена спаси-

телем мира. Божественный Искупитель держал на своей груди голову спящего Иоанна, и пред Своей кончиною на кресте он сказал божественные слова, полные святой дружбы и сыновней любви: «Жено, се сын Твой!» (к Пречистой Матери) и «Се Мати твоя!» (к ученику).

Я думаю, что человек не может существовать без дружбы (без истинной, возвышенной дружбы, основанной на взаимном уважении друг друга), она необходима ему, дабы не поддаться низким стремлениям. Дружба дает душе известное поэтическое настроение, без которого ей было бы трудно подняться над мрачным царством эгоизма.

Если ты заключил с кем-нибудь дружбу, то запечатлей в своем сердце и ее обязанности. Их много, так как тебе нужно достигнуть того, чтобы всю жизнь остаться достойным своего друга. Многие высказываются против заключения дружбы; они думают, что дружба слишком сильно овладевает ее от других мыслей; я, однако, согласен с мудрым св. Франциском Сальским, который в своей «Филотее» называет этот совет «пагубным».

Он, правда, признает, что в монастырской жизни можно бы посоветовать избегать частной дружеской связи. «Но в свете, - говорит он, - все что борются под знаменами добродетели и креста, должны соединяться узами неразрывной дружбы.»

В нашей жизни, когда приходится идти тернистыми путями добродетели, дабы заслужить блаженство, люди должны, подобно странникам, подавать друг другу руки, чтобы не оступиться на обрывистом пути и тем вернее продолжать свое земное странствие. Если злые люди соединяются между собою, чтобы сообща творить зло, то добрые люди и подавно должны подать друг другу руки для совокупных усилий в области истинной добродетели.

ГЛАВА XIV

Учение

Просвещает свой ум – твоя священная обязанность с той минуты, как только ты в состоянии это делать. Учение сделает тебя способнее почитать Бога, любить свое отечество, своих родных и друзей. Безумный вывод знаменитого Руссо относительно того, что дикий – блаженнейший из людей и что невежество предпочтительнее просвещения, вполне опровергается опытом. Тому, кто знает жизнь и кто много путешествовал, известно, что дикарь – самый несчастный человек на свете; мы видим, что невежда может быть

добрым человеком, но знаем зато, что и просвещенный может быть равно честным и даже честным в высшей степени.

Только высокомерное знание вредно; знание, соединенное со смирением, поднимает дух, побуждает сильнее любить Бога, сильнее любить весь человеческий род. Старайся изучать все, по возможности, основательно. Поверхностное учение слишком часто создает посредственных и самонадеянных людей, которые, сознавая собственное ничтожество, охотно соединяются с другими пустыми головами, чтобы вместе с ними провозглашать везде, как они велики, а как великие ничтожны. Этим и объясняются беспрерывные нападки педантов и пустых риториков на серьезных ученых и истинных мудрецов; отсюда же происходит заблуждение толпы, поклоняющейся тому, *кто громче всех говорит и менее всех знает*.

В наше время нет недостатка в людях с обширными познаниями, но, к сожалению, число верхоглядов преобладает. Стыдись принадлежать к этому большинству. Но стыдись не из-за суетного самолюбия, а по чувству долга, из-за любви к отечеству и уважения к человеческому духу, которым наделил тебя Создатель.

Если ты не можешь глубоко проникнуть во все области человеческого знания, то ознакомься хотя с некоторыми, чтобы извлечь из них те сведения, не владеть которыми просто непростительно. Но этого мало: избери из всех наук какую-нибудь одну и испробуй на ней ревностно свои силы и свою волю, чтобы не отстать ни от кого другого.

Вот прекрасный совет, который Сенека, между прочим, предлагает мудрому: «Если ты хочешь, чтобы чтение оставляло тебе глубокие и прочные впечатления, то ограничься небольшим числом писателей, проникнутых здоровым умом, и питай ум и душу твою сущностью их творений. Быть везде – значит нигде не быть преимущественно. Кто проводит свою жизнь в путешествиях, тот видит, действительно, много чужестранцев, но приобретает мало друзей. Такова же участь тех жадных читателей, которые, не любя ни одной книги в особенности, поглощают их бесчисленное множество».

Какой бы отрасли науки ты не посвятил себя, берегись впасть в обычную ошибку: в твоём поклонении избранному предмету не доходи до той крайности, чтобы с презрением относиться ко всем другим наукам, которые ты не знаешь.

Презрение, с каким относятся многие поэты к прозаикам, прозаики – к поэтам, естествоиспытатели – к философам, математики – к естественникам и наоборот, есть не что иное, как пошлая, ребяческая выходка. Все науки и искусства, все средства познания и выражения истинного и прекрасного заслуживают уважения общества и в особенности просвещенного.

Опытные науки и поэзия не исключают друг друга. Бюффон был великим естествоиспытателем, а его речь блистает дивными поэтическими красотоми.

Я знал людей, которые были отличными поэтами и в то же время профессорами математики.

Занимаясь поэзией или другими изящными искусствами, не пренебрегай возможностью упражнять свой ум хладнокровным размышлением, математическими расчетами и логическими соображениями.

Было бы смешно, если бы орел сказал: «Я создан для полета и поэтому не могу рассматривать мир иначе, как на лету». Существует множество предметов, которые он может разглядеть, оставаясь в покое и со сложенными крыльями.

Но, с другой стороны, не думай, что если изучение наблюдательных наук требует особенного спокойствия и хладнокровия, то человек тогда лишь постигнет их в совершенстве, когда погасит в себе весь пыл фантазии и задушит всякое поэтическое чувство. Эта способность ума и это чувство, будучи хорошо направленными, не только не ослабляют рассудка, но и придают ему во многих случаях новую силу.

Как в политиках, так и в науке не доверяй партиям и их системам. Чтобы не сделаться и их рабом, испытай их, сравни, и тогда суди. К чему повели препирательства между приверженцами и противниками Аристотеля, Платона и многих других философов или между поклонниками и порицателями Ариоста и Тассы?

Эти великие учителя, были ли они обожаемы или презираемы, остались тем, чем они были в действительности: ни полубогами ни обычными явлениями; но те, которые хотели взвесить их на неверных весах, сделались предметом насмешек, и мир, несмотря на все их рвение, ничему не научился из их оглушительных споров.

Во всех твоих учебных занятиях старайся соединить спокойную ясность с остротой соображения, терпеливый анализ – с синтезом. Но, прежде всего, поставь себе за правило – не останавливаться ма-

лодушно перед препятствиями и не проникаться гордостью при успехе. Старайся просвещать свой ум, насколько Бог тебе это позволил, с рвением, но без самонадеянности.

ГЛАВА XV **Выбор призвания**

Выбор призвания имеет огромное значение. Наши отцы говорили, что для того, чтобы выбрать должное, нужно молить Бога о вразумлении. Я не знаю, почему этого нельзя сказать теперь. Войди в себя, обдумывай долго, со всею серьезностью, жребий предстоящий тебе между людьми, и молись.

Если ты в течение многих дней, недель и месяцев будешь слышать божественный внутренний голос, который с постоянно усиливающейся силой убеждения будет твердить тебе: «Вот твое настоящее призвание!» то мужественно следуй этому призыву, вступай на указанное тебе поприще с твердою и непреборимою волею, изучи его, но усвой себе и все те добродетели, которых оно требует.

Эти добродетели облагораживают всякое призвание, избранное по влечению. Духовное звание, невыносимое для всякого легкомысленного и жаждущего удовольствия человека, может сделать кроткого и набожного довольным и счастливым; монашеская жизнь, которая многим кажется нестерпимой, а другим даже безрассудной, преисполнена отрад и высоких духовных наслаждений для благочестивого мудреца, который не считает себя бесполезным членом общества, пока он любит и приносит пользу своей братии или бедным крестьянам. Звание судьи, требующее терпения и заботливости, может показаться многим тяжелым бременем, но оно удовлетворит человека, который считает высоким наслаждением защищать силою разума правое дело своего ближнего. Благородное военное звание имеет неизъяснимое очарование для того, чье сердце действительно полно мужества и отваги, кто убежден, что нет ничего более славного, как положить свою жизнь за свое дорогое отечество.

Каждое жизненное поприще, от высших до низших и простейших промыслов, имеет свои прелести и свое внутреннее достоинство. Каждый должен лишь стремиться к добродетелям, коих требует его призвание.

Только потому, что не каждый исполняет их в точности, мы встречаем так часто людей, клянущих избранное ими занятие. Но ты, избравший себе свое поприще после долгого и зрелого размышления, не впадай в слабость и не позволяй себе этих бесконечных

жалоб. Не предаваясь позднему и бесцельному раскаянию, подчиняясь опасному желанию перемены. Каждый жизненный путь имеет свои тернии, а потому, раз избрав таковой, следуй по нем: возвращаться назад – одно малодушие. Настойчивость в достижении намеренной цели, всегда хороша, кроме настойчивости в зле, и только тот, кто умеет довершить начатое может надеяться, что его усилия увенчаются успехом.

ГЛАВА XVI О спокойствии духа

Многие остаются на всю жизнь при раз выбранном ими призвании и начинают его любить. И тем не менее в них рождается иногда недовольство своим занятием, так как они видят, что другие профессии дают больше денег и почестей, что других больше уважают и лучше награждают и что не каждый считает их выше себя.

Не тревожь себя такими мыслями. Кто позволяет им овладеть собою, тот теряет всякую надежду на счастье, каким он может пользоваться на земле. Такой человек является высокомерным и смешным, так как он ценит себя слишком высоко и становится несправедливым, так как тех, кому он завидует, он ставит слишком низко.

Действительно, в человеческом обществе заслуги не всегда одинаково вознаграждаются. *Тот, кто весь отдается своему труду, нередко бывает так скромен, что не добивается, да и не умеет снискать себе достаточную известность, и всю свою жизнь остается в стороне, в тени, даже терпит притеснения и насмешки со стороны таких посредственных и наглых людей, которые все средства считают хорошими, лишь бы они вели к успеху.* Таков свет, и переменить его трудно. Тебе остается только подчиниться этой неизбежности. Запомни великую истину: в жизни важнее обладать действительной заслугой, нежели наградой за заслугу сомнительную.

Если мы вознаграждены – хорошо, если нет, то тем больше наша заслуга, которая остается таковой и без вознаграждения.

Было бы гораздо лучше для человеческого общества, если бы каждый стремился подавить в себе тревоги унижительной зависти и притязания честолюбия, но это не должно привести их к равнодушию относительно внешнего благосостояния, или к лени, что было бы другою крайностью. Напротив, в известных границах не мешает быть честолюбивым. Но честолюбие должно быть благородно, рассудительно и независтливо. Будем постоянно себе повторять, что

если и не достигли той высокой ступени, стоять на которой считаем себя призванным, то все же мы и в низкой доле остались людьми, сохранившими свое человеческое достоинство.

Беспокойство о вознаграждении за наш труд только тогда простительно, когда дело идет об удовлетворении наших насущных потребностей или неотложных нужд нашей семьи.

Впрочем, позволительно стремиться к приращению личного благосостояния за пределы необходимого, лишь бы это стремление не шло в разрез с нашим душевным спокойствием. Возблагодарим Бога, если мы достигнем такого благосостояния, так как оно украсит нашу жизнь и даст нам возможность помогать другим. Если же нет – да будет воля Божия! Ибо и без многих удобств можно жить достойно, и хотя мы не в состоянии будем помогать другим, совесть нас ни в чем не упрекнет. *Делай все, что в твоих силах, чтобы стать полезным гражданином, и помогай другим достигнуть того же, а затем пусть будет, что будет.* Сожалей о несправедливостях и несчастьях, что тебе приходится видеть, но не щетинься, как зверь, и не питай к людям ненависти, а еще более остерегайся той фальшивой любви к человечеству, которая хуже ненависти, которая, под видом общественного блага, готова созидать престол мнимого благополучия на развалинах и пролитии крови ближнего. Правда, тот, кто противится уничтожению существующих в обществе злоупотреблений, тот или безумец или злодей, но еще больший злодей и безумец тот, кто хочет уничтожить эти злоупотребления жестокостями.

Без спокойствия духа большая часть человеческих суждений будут или ошибочны или проникнуты злобой. Только спокойствие духа дает тебе возможность переносить непоколебимо испытания, неутомимо и твердо двигаться к благой цели и всегда справедливо, снисходительно относиться ко всем людям.

ГЛАВА XVII Раскаяние и исправление

Советую тебе блюсти ясность и спокойствие души твоей, я в то же время говорю тебе, что ты не должен ослабевать в постоянном стремлении к своему нравственному усовершенствованию.

Кто говорит: «Мое нравственное воспитание закончено, и я буду тем, чем меня сделали», тот губит сам себя. Мы должны постоянно для каждого нового дня иметь перед собою подходящую благоую цель. Непрестанно давать деятельность нашей добродетели, чтобы

поддержать ее, не закрывать глаза на наши недостатки и всегда иметь готовое к раскаянию сердце.

Да, имей готовое к раскаянию сердце! Нет ничего справедливее слов св. писания, что вся наша жизнь должна быть раскаянием и стремлением к совершенству.

Все христианское учение заключается в этом. Даже Вольтер в одну из минут, когда его не мучило желание издеваться над христианской религией, сказал следующее: «Исповедь – удивительно хорошее установление; это – узда для преступления, изобретенная в самой глубокой древности: обычай исповеди встречается при торжественном отправлении древних таинств. Мы только переняли этот мудрый обычай и освятили его; это самое превосходное средство, чтобы склонить к прощению полные злобою сердца».

Было бы постыдно, если бы каждый, кто считает за честь назваться христианином, не думал того, что здесь утверждает Вольтер.

Прислушаемся к голосу нашей совести и устыдимся тех поступков, в которых она нас упрекает; признаемся в них не только на словах, но и с действительным желанием исправления, то пусть смеется кто хочет, мы будем обладать самым целительным, самым великим, самым достойным человека средством к совершенствованию.

Если ты знаешь за собою какую-нибудь несправедливость, то не медли ее загладить; только тогда твоя совесть успокоится. Всякое промедление в исправлении связывает твою душу со злом, и с каждым часом эти узы все более и более крепнут, а ты приучаешься не уважать самого себя. Но горе тому, кто себя презирают в душе! Горе ему, если он делает вид, что уважает себя, когда в его делах гнездится зло, которому там не должно быть места! Горе ему, если он находит достаточным скрывать только скрывать это зло! Нет ему больше места между благородными существами: он – падшая звезда, он – несчастье мира.

Если какой-нибудь бесстыдный юноша будет называть тебя слабодушным за то, что ты не упорствуешь в проступках, как он, то скажи ему, *что нужно гораздо больше силы, чтобы противостоять злу, чем для того, чтобы отдаться ему*; скажи ему, что мужество, которого ты жаждешь для себя, заключается в том, чтобы презирать насмешки, когда требуется променять путь зла на путь добродетели.

Если ты поступил несправедливо, никогда не лги для того, чтобы скрыть или скрасить свой проступок. Ложь – жалкая трусость. Со-

знайся! В твоём признании видна будет душевная сила, а стыд, которого оно тебе будет стоить, примерит с тобою всех добрых людей.

Если ты кого-нибудь оскорбил, то найди в себе достаточно благородства и смирения. Чтобы испросить у него прощение. Так как вся жизнь твоя будет сплошным доказательством того, что ты немалодушный, то никто тебя за этот поступок не вздумает назвать трусом. Настаивать на своём оскорблении и предпочесть дуэль или вечную вражду благородному и чистосердечному объяснению пошло и свойственно самолюбивым и жестокосердным людям; дуэль – это позор, которому совсем не идет блестящее название дела чести.

Нет чести вне добродетели, а добродетель заключается лишь в том, чтобы постоянно раскаиваться в зле и стремиться к своему совершенству.

ГЛАВА XVIII Безбрачие

После того, как между всеми гражданскими поприщами ты избрал наиболее для тебя подходящее и в достаточной мере укрепил свой характер в привычке к добру, чтобы с достоинством носить звание человека, после этого, но не ранее, и бери, если намеревался вступить в брак, себе подругу, достойную твоей любви.

Но прежде чем решиться оставить безбрачное состояние, подумай, не лучше ли тебе в нем навсегда? Если ты не успел избавиться от вспыльчивости, ревности, подозрительности, нетерпеливости, упрямого властолюбия и не можешь преодолеть их в такой мере, чтобы рассчитывать с уверенностью на любовное отношение к подруге твоей жизни, то имей силу отказаться от нежных брачных уз. Ибо, если ты, несмотря на свой тяжелый характер, возьмешь себе жену, то сделаешь ее и себя несчастными.

Если ты не найдешь женщины, которая, совмещая в себе все качества, какие ты считаешь необходимым для удовлетворения, в то же время отвечала бы на твою любовь любовью же, то не слушай тех, которые будут склонять тебя к супружеству. Твой нравственный долг остаться лучше безбрачным, чем клясться в любви, которой ты не чувствуешь.

Но отсрочишь ли ты только свое вступление в брак или совсем откажешься от него, во всяком случае сохрани достоинство безбрачной жизни, отдаваясь добродетелям, которых такая жизнь требует, и умей ценить ее преимущества.

Да и безбрачная жизнь имеет свои преимущества. И в каком бы положении ни находился человек, он всегда должен уметь признавать и ценить преимущества своей жизни, чтобы не чувствовать себя несчастным и униженным и чтобы тем не ослабить мужество свое - поступать во всем с достоинством.

Красноречивые ораторы с негодованием обращают внимание общества на многочисленные случаи безбрачия, порождающие соблазн, и объявляя безбрачие противным природе, общественною болезнью и главною причиною упадка нравственности. Это - дурная привычка сваливать социальные неурядицы на одно какое-нибудь явление, хотя бы это делалось с надеждою на то, что, преувеличивая зло, можно скорее добиться его уничтожения.

Но ты не обращай внимания на эти преувеличения! Несомненно, что холостая жизнь соединена со многими соблазнами. Но на основании того факта, что у человека есть руки и ноги, соблазняющие его иногда раздавать удары и пинки, никто еще не объявлял обладание руками и ногами общественным злом.

Не мешало бы всем тем, которые так стараются доказать, будто разврат неразлучен с холостою жизнью, немножко подумать также и о несчастиях, которые вытекают из легкомысленных браках без любви.

После первых восторгов супружества вскоре появляется скука. Тогда начинаешь раскаиваться и досадовать, что потерял свободу, делаешь открытие, что выбор был слишком поспешен, и что характеры совсем не сходны. За этими сожалениями с одной или обеих сторон следуют холодность, неуважение, оскорбления и жестокие изодня в день огорчения. Женщина, как существо более нежное, бывает обыкновенно главною жертвою этого плачевного разлада.

Она совершенно отдается своему горю или, что еще хуже, изменяет своей природе, забывая свою врожденную доброту и скромность, и допускает в сердце новую привязанность, в которой она надеется найти замену любви своего мужа, но плодами которой являются лишь стыд и угрызение совести. От таких несчастных браков рождаются дети, первую школой которых служит недостойное поведение их отца или матери или обоих вместе; на этих малолетних изливается очень мало или совсем не изливается настоящей родительской любви; воспитанием их обыкновенно пренебрегают или дают ему дурное направление. Неудивительно, что такие дети не оказывают вовсе почтения к родителям, никакой нежности друг к

другу и не имеют никакого понятия о семейных добродетелях, этом фундаменте, на котором только и могут укрепиться гражданские доблести.

Все это - явления повседневные, которые видит каждый, кто не хочет закрывать на них глаза. Никто не упрекнет меня в преувеличении.

Я не отрицаю всех зол, проистекающих от безбрачной жизни; но кто взвесит несчастья неудачного супружества, только что перечисленные мною, наверно не примет их за ничтожные и скажет вместе со мной: «Лучше было бы, если бы они не связали себя роковыми обетами». Большая часть людей предназначена к супружеству, но и безбрачие не противно природе человека. Огорчаться тем, что не все люди заботятся об умножении рода человеческого, смешно. Если холостая жизнь избрана обдуманно и блюдетя в чистоте, то она не заключает в себе ничего бесчестного. Скорее же она достойна уважения, как и всякая сознательная, приносимая для доброй цели, жертва. Так как она освобождает от семейных забот, то оставляет одному больше времени и силы для серьезных занятий наукою или для исполнения обязанностей духовного лица; другому - более средств для поддержки нуждающихся родственников, третьему дает больше свободы для благотворительной деятельности.

Неужели все это не есть благо?

Все эти соображения не праздны. Кто желает покинуть безбрачное состояние или остаться в нем, тот должен знать, от чего он отказывается и к чему приступает. Возгласы же пристрастия только затемняют здравый смысл.

ГЛАВА XIX

Уважение к женщине

Подлый и наглый цинизм есть идол толпы, это - сатана, который неустанно дает человечеству поводы к осмеянию добродетели и к попиранию ее ногами. Он собирает все факты, клонящиеся к унижению Церкви, утаивает противоположные и восклицает: «Что такое Бог? В чем заключается благотворительное влияние благочестия и религиозных поучений? - Собрание химер!» Он тщательно группирует факты, унижающие государственное устройство, и спрашивает: «Что такое закон, гражданский порядок, честь и патриотизм? - Не что иное, как война между хитростью и властью со стороны господствующих и ищущих господства и слабостью со стороны подчиненных!» Он собирает всякого рода факты, могущие бесславить

безбрачие, супружество, имя матери, сыновнюю любовь, привязанность родственников и дружбу, и восклицает с адским глумлением: «Все это не более как эгоизм, обман, распущенная чувственность, взаимная ненависть и презрение!».

Плодами этой лживой адской философии именно и являются: эгоизм, обман, неистовая чувственность и презрение.

Может ли этот бесстыдный гений толпы, унижающий все высокое, не быть злейшим врагом женских добродетелей и не стараться унижить и их?

Во все времена цинизм старался изобразить женщину отверженным существом, признавая в ней лишь зависть, притворство, непостоянство, тщеславие и отвергая в ней святое право дружбы и непорочности в любви. Затем каждую более или менее достойную женщину он признавал лишь случайным исключением из общего правила.

Но благородство человеческого духа приняло женщину под свою защиту. Христианство подняло ее достоинство, запретив многоженство и незаконную любовь и вознеся Деву на недостижимую высоту, рядом с Богочеловеком, превыше всех святых и ангелов!

Позднейшее общество почувствовало влияние этого духа кротости. При всей грубости средних веков рыцарство облагородило чистое поклонение женщин; и мы; христиане, более образованные, потомки рыцарей, считаем хорошо воспитанным лишь того, кто относится с уважением к нежной, прекрасной и сотворенной для семейных добродетелей половине рода человеческого.

Однакож древний враг благородных чувств и женщины еще удерживался в мире! И пусть бы были подчинены ему низкие души и ничтожные умы! Но он часто увлекает и блистательных гениев, что случается всегда там, где религия, единственная руководительница человеку на пути к возвышенному, не имеет влияния

Были философы (по крайней мере, они так себя называли), которые вчера еще пылали, казалось, ревностью к человечеству, а сегодня, пораженные неверием, принялись сочинять безнравственные книги, поэмы, романы, грязные стихи и всякого рода вымыслы на это же человечество; все эти произведения проникнуты одним неистовым желанием возбудить в людях позорную чувственность.

Кто не знает, что Вольтер, увлекательнейший писатель (душа, не чуждая некоторых добрых склонностей, но часто увлекаемая низкими страстями и неудержимой потребностью возбуждать смех),

написал длинную поэму-сатиру, в которой издевается над честью женщин в лице благороднейшей героини своего отечества, великодушной и несчастной Орлеанской девы. М-me de Staël справедливо назвала эту поэму преступлением против народной славы.

От знаменитых и неизвестных никому людей, от живых и умерших писателей, даже от некоторых бесстыдных женщин, позорящих свой пол, короче: с тысячи сторон ты слышишь часто голос гения толпы, т.е. циника, который восклицает: «Презирай женщину!»

Отвергни постыдное наущение или сам ты, сын женщины, покроешь себя вечным презрением. Отойди от того, кто в женщине не уважает свою мать. Растопчи ногами те книги, которые, побуждая к безнравственности, тем унижают женщину. Прибери себе уважение к женскому достоинству право быть защитником той женщины, которая дала тебе жизнь, защитником ее сестер, и, может быть, со временем, и того существа, которое твой ребенок назовет святым именем матери.

ГЛАВА XX Нравственное достоинство любви

Уважай женщину, но бойся соблазнов ее красоты, и, еще более, обольщений твоего сердца. Благо тебе, если ты ни к какой женщине не почувствуешь страстной склонности, кроме той, которую ты, может быть, назовешь твоею подругою на всю твою жизнь!

Лучше пусть сердце твое будет свободно от всяких любовных уз, чем отдавать его во власть женщины недостойной. Человек с менее благородными чувствами может быть еще быть счастлив с ней, но не ты, Тебе нужна или полная свобода или женщина, которая бы удовлетворяла твоим высоким понятиям о человечестве вообще и о женской половине его в особенности,

Она должна быть одною из тех избранных душ, которые одарены глубоким пониманием всей возвышенности религии и любви. Остерегайся представить себе ее таковою в своем воображении, когда в действительности она совершенно другая.

Если ты найдешь такую, в которой заметишь несомненную любовь к Богу, благородное увлечение всякой добродетелью, стремление делать все то доброе, что она может, увидишь в ней непримиримую ненависть ко всякому дурному поступку, и, если вместе с этими достоинствами она обладает еще просвещенным умом, без желания блистать им, и остается скромнейшею из женщин, если при том все слова и действия ее обнаруживают доброту,

изящную естественность, благородство мыслей и чувства, твердую волю в исполнении того, что она считает своим долгом, постоянное желание никого не огорчить, но утешить огорченных и своими достоинствами облагораживать побуждение других людей, то полюби ее глубоко достойною ее любовью!

Она будет тебе ангелом-хранителем и как бы живым выражением божественных велений, будет отклонять тебя от всего низкого и направлять тебя лишь к одному добру.

Во всем, что ты предпринимаешь, спрашивай себя, заслуживает ли твой поступок ее одобрения, и старайся поступать таким образом, чтобы ее прекрасная душа радовалась, что имеет тебя своим другом, Почитай ее не только перед людьми, что еще не так важно, но перед всевидящим оком Господа.

Если она действительно имеет столь высокую и столь преданную религии душу, то безграничная любовь твоя к ней не перейдет в крайность или идолопоклонство. Ибо ты любишь ее именно потому, что ее воля находится в столь полном согласии с волею Бога. Поклоняясь одной, ты поклоняешься и другой, так как, во всяком случае, ты поклоняешься Его воле. Таким образом, если бы возможно было, чтобы воля ее противоречила Божественной воле, то очарование исчезло бы, и ты перестал бы ее любить.

Столь возвышенную любовь многие низкие души считают фантазией Это те, которые не имеют представления о высоком достоинстве женщины. Пожалей об их жалкой мудрости, Столь чистые, неудержимо стремящиеся к добродетели отношения возможны и бывали в действительности, хотя и редко. И люди должны бы были говорить себе: *"Или такую любовь или никакой!"*

ГЛАВА XXI

Любовь, достойная порицания

Но повторяю: остерегайся принять за олицетворение добродетели женщину, которая не такова в действительности. Такого рода романтическая любовь смешна и позорна: ты погубишь свое сердце, поклоняясь недостойному кумиру.

Женщины, заслуживающие уважение, и даже высокое уважение, бесспорно, существуют на свете; но много есть и таких, которые испорчены воспитанием, дурными примерами и собственным легкомыслием, которые не могут возвыситься до того, чтобы оценить любовь добродетельного человека; им нравится поклонение их кра-

сот и их веселому нраву более, чем любовь, внушаемая благородством чувств.

Такого рода несовершенные женщины опаснее женщин прямо дурных. Они привлекают не только легкомыслием и изяществом своего обращения, но часто и действительными достоинствами, а равно и возбуждаемыми ими надеждами на то, что добрые качества их натуры превосходят злые. Если ты заметишь в них много тщеславия или других положительных недостатков, то не дай места таким надеждам. Суди их строго, не из желания злословить или преувеличивать недостатки таких женщин, но для того, чтобы вовремя избежать их, если явится опасность возникновения недостойной склонности.

Чем больше сердце твое жаждет любви, чем больше склонен ты к почитанию женщины, высоко стоящей в нравственном отношении, тем в большей мере лежит на тебе обязанность не удовлетворяться средними достоинствами обыкновенной женщины, чтобы назвать ее своею подругою.

Молодые люди, легкомысленные или безнравственные, будут осмеивать тебя, называя гордецом и ханжою. Не обращай внимания на их мнение о тебе! Не будь гордецом и ханжою, но и не оскверняй твоей любви и оставайся при намерении иметь сердце навсегда свободным или отдать его женщине, которая имела бы все права на твое приношение.

Кто любит женщину, принадлежащую к избранницам ее пола, тот не должен терять времени на то, чтобы ходить за нею подобно невольнику и занимать ее лестью или пустыми разговорами. Она не допустит этого, она сочтет позорным для себя любить изнеженного и праздного человека; она ценит лишь дружбу, прямого и мужественного характера, который мало говорит о своей любви, но старается доказать ее достойными поступками.

Женщина, которая спокойно смотрит на то, как мужчина подобно рабу лежит у ее ног, как он переносит терпеливо тысячи ее капризов и изливается перед нею в приторностях пустой влюбленности, достаточно ясно доказывает, что она имеет и о нем и о себе самой очень невысокое мнение. Точно так же и мужчина, который чувствует себя хорошо в таком положении, любовь которого не имеет высокой цели, который не желает облагородить себя поклонением высокой добродетели, тот жалко растрчивает свой ум и сердце и едва ли имеет достаточно силы, чтобы сделать что-либо доброе на

этом свете. О совершенно безнравственных женщинах я здесь не говорю: всякий честный человек гнушается их и не удаляться от них считает для себя позором.

Когда ты найдешь женщину, достойную твоей любви, то не будь подозрителен и ревнив и не требуй от нее нелепого поклонения тебе.

Сделай обдуманый выбор и тогда люби, но не мучь ни избранную тобою ни себя излишнею горячностью, не смущайся, если она не останется равнодушною к любезностям других, и не заставляй ее осыпать тебя преувеличенными нежностями. Ты сохранишь верность ей, потому что хочешь остаться честным, хочешь доказать ей свою преданность и поклонение и стремиться подняться на одинаковую высоту с ней, высшим, по твоему мнению, существом, но ты не должен добиваться довести ее любовь до безумной и излишней крайности.

Ревнивец, который боится всегда, что он недостаточно любим, - настоящий тиран. Если человек делается злым из-за какой-либо выгоды, то он теряет эту выгоду. Если же он становится тираном или совершает какой-либо недостойный поступок из-за любви, то ясно, что он потеряет любовь.

ГЛАВА XXI Уважение к замужним женщинам и к девицам

Женишься ли ты или нет, имей всегда уважение к девицам и к замужним женщинам.

Нет ничего выше девичьей невинности и ее чистоты. Не позволяй себе ни с одной из девиц ни малейшей вольности в обращении или в речах, ничего такого, что могло бы загрязнить ее мысли или смутить ее сердце. В разговоре с нею или о ней, не позволяй себе ни одного слова, которое дало бы другим повод счесть ее ветренною и легкомысленною. Малейшей тени достаточно для того, чтобы отнять у девушки доброе имя, чтобы возбудить клевету против нее, и, может быть, отнять у нее надежду на брак, в котором она могла бы найти свое счастье.

Если ты любишь девушку, на брак с которою надеяться не можешь, то не обнаруживай перед нею своей склонности, но тщательно ее скрывай. Если она заметит твою любовь, то может полюбить тебя в свою очередь и сделаться жертвою несчастной страсти.

Если ты заметишь, что тебя любит девушка, которую ты не желаешь или не можешь назвать своей женой, то дорожи ее покоем и

честью: перестань совсем видеться с нею. Надо быть очень пустым и бессовестным человеком, чтобы находить удовольствие в мысли, что ты возбудил в бедном, невинном существе страсть, которая для нее может иметь результатом лишь стыд и страдание.

Не менее предусмотрителен будь и в отношениях к замужним женщинам. Безумная любовь, которую ты можешь почувствовать к ней или она к тебе, может привести обоих вас к большим несчастьям и позору. Ты теряешь, разумеется, при этом менее, чем она, но, сознавая, как много теряет женщина, подвергая себя заслуженному презрению своего мужа, не подвергай ее такой опасности, если ты честно мыслишь; не давай ей ни малейшего повода к измене и вырви из сердца любовь, проклятую Богом и запрещаемую законом. Пусть твое сердце и сердце твоей возлюбленной обливаются кровью вследствие разлуки, - это ничего не значит. Добродетель стоит жертв, и тот, кто не умеет приносить их, - низкий, малодушный человек.

Между замужнею женщиною и посторонним человеком могут существовать лишь отношения, основанные на взаимном уважении, вытекающем из признания взаимных достоинств и из убеждения обеих сторон в том, что ненарушимая любовь к своим обязанностям должна стоять выше всякой другой любви.

Отнять у мужа любовь его жены есть высшая степень безнравственности. Если он достоин ее любви, то твое вероломство есть тяжелое преступление; если он не стоит ее любви, то его недостатки не дают тебе права увеличить несчастье его супруги. Жена дурного мужа не имеет выбора: она должна с покорностью переносить свое несчастье и оставаться верной мужу. Кто под предлогом утешения несчастной супруги старается приобрести недозволенную любовь тот - бессердечный эгоист. И если бы даже он делал это по чувству сожаления, то такое сожаление вредно и преступно. Любовь, которую ты сумеешь внушить женщине в таком положении, лишь увеличит ее несчастье; к ее горю - иметь недостойного мужа - прибавится еще ненависть к нему, с каждым днем возрастающая от любви к тебе, и, по мере того, как она все более и более начинает ценить твои достоинства, ты присоедилишь к ее несчастью еще и те мучения, какие причинит ей ревность ее мужа и тягостное сознание своей собственной вины. Женщина, несчастная замужем, тогда лишь может пользоваться спокойствием, когда она держит себя так, что ее

не в чем упрекнуть. Кто обещает ей другой мир и спокойствие, тот обманывает ее и может лишь увеличить ее несчастье.

Что касается женщин, к которым ты расположен вследствие их добродетельности, то держи себя относительно их так, как и относительно девушек, то есть, чтобы в дружбе твоей с ними никто не мог заподозрить что-либо иное. Будь осторожен в выражениях, в каких ты говоришь о них с людьми, любящими отзываться о всех дурно. Предположения их всегда исходят из испорченности сердца, Они извращают по-своему все то, что слышат, дают ложные толкования самым простым словам и самым невинным поступкам и подозревают тайны там, где их нет. Для того, чтобы сохранить незапятнанным доброе имя женщины, никакая предосторожность не лишняя. Доброе имя, после сознания своей нравственной чистоты, есть наибольшее благо для всякой женщины. Кто не заботится о нем и кто настолько нечестен, что радуется, когда другие подозревают в женщине склонность к нему, тот сам - жалкий человек, не заслуживающий чести быть принятым ни в одно порядочное общество.

ГЛАВА XXIII

Супружество

Когда определятся вполне склонность твоего сердца и желание твое вступить в брак, иди к алтарю со святыми мыслями и с твердым намерением сделать счастливым то существо, которое вверяет тебе заботу о своей жизни, которое отказывается от имени своего отца, чтобы принять твое имя, предпочитает тебя всему, что ей было дорого до того времени, и через тебя надеется дать жизнь новым разумным существам, призвание которых - иметь в себе Бога.

Браки - печальные примеры человеческого непостоянства! Большинство их заключается по взаимной любви, сопровождается благими помыслами и твердым намерением благословлять такой союз до самой смерти; но не проходит двух лет - иногда даже нескольких месяцев - и любовь охладевает, супруги с трудом переносят друг друга до брака. Выбирай осторожно, убедясь предварительно в нравственных достоинствах любимой тобою особы, иначе ты погиб! Затем потеря любви происходит еще потому, что люди слишком легко уступают побуждениям непостоянства и забывают повторять себе ежедневно: "Я решил жениться и потому буду тверд в исполнении моего решения".

Здесь кстати подумать о том, что и во всех других обстоятельствах жизни человек слишком легко переходит от добра ко злу, и о том, что наиболее презренное в человеке качество это - недостаток твердой воли, и что большая часть позорных дел и большая часть несчастий в человеческих обществах имеет один лишь источник - слабость характера.

Счастливое супружество возможно только под одним условием: каждая из связанных с браком сторон должна принять твердое решение - *всегда любить и уважать сердце, которому она дала доступ в свое собственное.*

Если выбор хорош, если ни то, ни другое сердце не испорчено, то не может быть, чтобы оно ни с того ни с сего развратилось и сделалось неблагодарным, когда другое не перестает осыпать его знаками нежной внимательности и преданной любви.

Когда муж, любимый женою, вдруг лишится ее нежности, то, наверное, он виновен перед нею или в грубом обращении, или в пренебрежении, или в чем-нибудь подобном.

Женская натура от природы кротка, благодарна и склонна преклоняться перед мужчиной, который неизменно любит ее и заслуживает ее уважения. Но именно, благодаря нежности женской натуры, все дурное и отталкивающее в натуре мужа глубоко поражает ее и причиняет ей такую боль, которая может вызвать непреодолимое отвращение к мужу со всеми последствиями такого отвращения. Несчастливая тоже виновна, но причину всего же ее муж.

Будь уверен, что ни одна женщина, которая была добродетельна при вступлении в брак, не может потерять своих достоинств от совместной жизни с человеком, который не перестал заслуживать ее любовь.

Забываясь же о любви жены - значит, стараться не потерять в ее глазах собственного достоинства. Доверчивость и откровенность, являющиеся в браке не должны ничего отнимать от чувства уважения и дружбы, которая женщина имела к человеку прежде, чем он повел ее к алтарю. Он не должен обходиться с нею, как раб со своей госпожою, но с другой стороны, не должен и деспотически высказывать свою власть с нею, воображая, что можно сделать ее лучше суровыми мерами. Она должна видеть в своем муже нечто такое. внушает ей высокое мнение о своем уме и характер; она должна чувствовать, что может гордиться своею зависимостью от него и от общения с ним. Но преданность себе он не должен внушать ей вы-

сокомерием, а любовью; тогда, чувствуя его нравственное достоинство, она подчинится ему добровольно и с искренней радостью.

Но, если твой выбор жены произведен правильно, если ты уверен в украшающих ее добродетелях, ты должен со своей стороны неустанно заботиться о том, чтобы оставаться в ее глазах достойным любви. Не говори никогда: "Она настолько добра, что простит мне всякую несправедливость, и я не должен много стараться о том, чтобы поддержать ее любовь, - она и без того всегда будет любить".

Как? Неужели потому, что она добра, ты должен менее заботиться о ее любви? Не обманывай себя. Именно благодаря нежности ее души, всякая небрежность, беззаботность и отсутствие дружелюбия по отношению к ней будут прочувствованы ею особенно горько. Чем деликатнее ее натура и чем нежнее ее чувствительность, тем более желает она найти такие же качества и в тебе. Если же она не найдет их в тебе, если она заметит, что от очаровательной любезности влюбленного ты перешел к оскорбительному равнодушию дурного мужа, то, хотя благодаря своей доброте она будет еще долго стараться любить тебя, несмотря на твои недостатки, знай, что эти усилия будут напрасны. Она будет несчастна и горе тебе и ей, если добродетель ее не устоит против всех испытаний, и если она найдет в другом человеке то, что искала в тебе. Ее непризнанное тобою беззащитное сердце может легко стать добычею незаконной страсти, которая разрушит не только твое, но и ее счастье, и ваш семейный мир, но и счастье ваших детей.

В таком положении находятся много мужей, а между тем жены их, которых они теперь проклинают, были прежде добры. Несчастные сходят с честного пути именно потому, что были любимы.

Если ты назвал женщину святым именем жены, то ты должен посвятить себя ее счастью, как и она себя – твоему счастью. Но на тебе лежит больше обязанностей, потому что она – слабое существо, и ты, как более сильный, должен укреплять ее благим примером и служить ей во всех случаях самой твердой защитой.

ГЛАВА XXIV

Отеческая любовь. Любовь к детям и к юношеству

Если ты имеешь детей, то твоя обязанность – дать отечеству хороших граждан, а Богу – достойные Его души. Кто пренебрегает этой высокой обязанностью, тот – величайший враг отечества и Бога.

В чем состоят добродетели отца — не требует объяснений. Ты должен уже иметь все эти добродетели, если ты был хорошим сыном и добрым мужем.

Но, если бы ты и не имел еще детей, если тебе вовсе не суждено иметь их, все же питай душу нежным чувством отеческой любви. Чувство это каждый человек должен иметь в себе и упражнять его на любви ко всем детям, ко всем юношам.

Отнесись к молодому поколению человечества не только с горячею любовью, но даже и с благоговением.

Каждый, кто презирает детей или незаслуженно обижает их, — злой человек. Кто не уважает невинности ребенка, кто не заботится о том, чтобы оградить его от зла и от злых людей, кто не старается, чтобы душа ребенка пылала лишь любовью к добродетели, на того падает страшная ответственность в случае, если из ребенка выйдет нравственное чудовище. Но к чему слова, когда мы имеем святое изречение Божественного друга детей, Спасителя мира: «Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили в глубине морской» (Матф. XVIII, 5-6).

Всякого, на кого твое слово может иметь влияние, вследствие того, что он моложе тебя хотя несколькими годами, считай твоим сыном. В обращении с ним соединяй ту снисходительность и ревность к его благу, которые наиболее способны отвратить его от зла и направить к добру.

Дети от природы склонны к подражанию. Если взрослые и молодежь, окружающие ребенка, отличаются богобоязненностью и исполнены достоинством и любовью, то и ребенок получает желание походить на них и становится таким же. Если же взрослые безбожны, злы и порочны, то таким же делается и ребенок.

Будь добр даже относительно детей и юношей, которых ты встречаешь не часто или которых, может быть, тебе суждено видеть всего один раз в жизни. Скажи им, если можешь, такое слово, которое осталось бы в их сердце добрым семенем на всю их жизнь. Такое слово, иногда даже простой дружеский взгляд, способны отвратить их от дурных мыслей и внушить им желание заслужить уважение честных людей.

Если юноша с хорошими задатками почувствует доверие к тебе, то окажи ему самую великодушную дружбу. Давай ему правильные

и твердые советы, не лести ему никогда; выказывая ему свое одобрение при хороших поступках и старайся отвратить его от дурных нескрываемым порицанием.

Если ты заметишь, что юноша уклонился с пути добродетели, то не упускай случая, если даже ты мало его знаешь, протянуть ему руку помощи и спасти его.

Знай. Что юноше, который становится на путь зла, достаточно иногда одного слова или даже взгляда, чтобы он возвратился снова на путь добродетели.

Какое же нравственное воспитание ты дашь своим детям, если ты не научился любить всех детей, все молодое поколение. Воспитай же прежде всего сам себя как можно лучше. Такое же хорошее воспитание ты передашь тогда и своим детям.

ГЛАВА XXV

О богатстве

Религия и философия ценят связанную с добродетелью бедность и ставят ее выше беспокойного стремления к богатству. Тем не менее, они признают право человека быть богатым, но с условием, чтобы он сохранял в себе то же нравственное достоинство, как и добродетельный бедняк.

Для этого необходимо только, чтобы человек не был рабом своего богатства, не употреблял бы его на дурные цели и пользовался бы им исключительно для блага своих ближних.

Все положения, в которых человек может честно существовать, одинаково достойны уважения, а следовательно, и положение богатого человека, но при условии, чтобы он пользовался преимуществами своего положения для пользы многих и чтобы наслаждение и роскошь, которыми он окружен, не делали его надменным и ленивым.

Что касается тебя, то ты, по всем вероятностям, останешься в том же внешнем положении, в каком родился, одинаково далеко от бедности, как и от большого богатства. Берегись же той презренной зависти, какую часто бедные или менее богатые питают к более богатым. Эта-то зависть, облекшись в философскую мантию, проповедует против роскоши и неравномерного распределения богатства и выставляет напоказ мнимо-великодушную жажду к равенству для устранения многих человеческих бедствий. Все это не должно обманывать тебя, хотя бы ты слышал это от людей, пользующихся из-

вестностью, или находил бы красноречивейшую защиту таких положений в сотнях толстых книг, авторы которых потворствуют низким страстям толпы, чтобы заслужить ее рукоплескания. В основе такого рода выражения недовольства лежит *чаще* ненависть, невежество и клеветничество, чем стремление к справедливости.

Неравномерное распределение богатства неустранимо, а из него вытекают как хорошие, так и дурные последствия. Тот, кто осуждает богачей, охотно стал бы на их место, а если так, то пусть уже владеющий богатством и остается при нем, так как иначе будет то же неравенство положения.

Число богачей, не различающих своего золота, весьма мало; расходуя же свои деньги, они содействуют, с большею или меньшею заслугою для себя, а часто и без всякой заслуги, общему благу. Они поднимают торговлю, развивают вкус, поощряют к соревнованию искусства и вознаграждают труды всякого, кто тем или другим промыслом добывает себе кусок хлеба. Видеть в богатстве лишь источник праздности, расслабления и бесполезной жизни - глупое преувеличение! Если богатство и делает некоторых людей ленивыми, то и других оно побуждает взяться за благородные предприятия.

Нет ни одного значительного города на земле, где бы не имелось полезных благотворительных учреждений, основанных и поддерживаемых богатыми, нет места, где бы богатые, в союзе между собою или в одиночку, не пеклись бы о бедных!

Не смотри поэтому на богачей с ненавистью и презрением и не разделяй вздорных обвинений, которые возводит на них толпа. Встречайся с богачом без предубеждения и недовольства, хотя бы это тебе и не нравилось; каково было бы тебе, если бы всякий другой, кто беднее тебя, смотрел бы на тебя с предубеждением и недовольством.

Относительно твоего собственного имущества следуй правилам мудрой бережливости. Избегай скупости, очерствляющей сердце и иссушающей ум, равно как и расточительности, которая ведет к легкомысленной раздаче денег взаймы, к обременению долгами и к разорению.

Стремление увеличивать богатство дозволительно, пока оно не становится позорною жадностью и неудержимою страстью; пока человек помнит, что истинное достоинство его и истинное счастье не зависят от богатства, но от соблюдения души своей в надлежащей частоте перед Богом и перед людьми.

По мере того, как возрастает твое богатство, расширяй также и свою благотворительность. Можно быть богатым и обладать всеми добродетелями, но быть богатым и эгоистом - постыдно. *"Кто много имеет, должен и много давать"*: эта святая заповедь не имеет исключений.

Не отказывая в помощи неимущим, но пусть это не будет единственным твоим добрым делом. Истинным и прочным благодеянием должно считать предоставление бедняку средства прокармливания не прощением милостыни, но применяя свой труд ко всякого рода деятельности как высшей, так и низшей. Помни всегда, что непредвиденные тобою обстоятельства могут во всякое время отнять у тебя наследие твоих отцов и сделать тебя бедным. Слишком много знаем мы примеров таких превратностей, и ни один богатч не решится сказать когда-либо: *"Я не умру в изгнании и нищете"*.

Пользуясь богатством, но сохраняй всегда благородную способность освободиться от него, - способность, которую церковные учителя и св. Евангелие называют духовною нищетою.

Вольтер в одном из припадков насмешливо заявил, что евангельская духовная нищета есть скудость ума, или умственная ограниченность. Но под этими словами должно разуместь скорее добродетель, повелевающую оставаться и среди богатства со смиренным духом, не бояться бедности, переносить ее терпеливо, если она приходит, и уважать ее в других. Эта же добродетель далеко не то, что слабоумие: ею может обладать лишь мудрая и возвышенная душа.

"Если хочешь образовать свой дух, - говорит Сенека, - живи бедно или так, как если бы ты был беден".

Если ты обеднеешь, то не теряй мужества. Не стыдись, работай за кусок насущного хлеба. Бедняк может быть столь же достойным уважения, как и человек, подающий ему помощь. Умей с легким сердцем отказываться от привычек, приобретаемых в богатстве. Не играй смешной, внушающей сострадание роли гордого бедняка, который пренебрегает добродетелями, украшающими каждого бедного человека, как то: исполненным достоинства смирением, строгой бережливостью, неустанным терпением в работе, спокойствием и бодростью духа среди всяческих испытаний.

ГЛАВА XXVI

Уважение к несчастью ближних. Благотворительность

Все положения, в которых человек может честно жить, одинаково достойны уважения; достойно уважения и положение бедняка, если он пользуется своими несчастьями для своего собственного усовершенствования и если он не думает, что его страдания дают ему право на грешные и позорные деяния.

Во всяком случае, не будь строг в своих суждениях относительно бедняков. Будь сострадателен и к таким беднякам, которые не всегда достаточно сильны над собою, чтобы смирять свои порывы досады и злобы. Помни, что трудно терпеть нужду на большой дороге или в убогой хижине в то время, когда в нескольких шагах от тебя мчатся в роскошных экипажах богато одетые и сытые люди. Прости бедняку, если он настолько слаб, что смотрит на тебя с недоброжелательством, и поспеши к нему на помощь, ибо он такой же человек.

Уважай несчастье в каждом, кто подвергается его ударам, даже и в том случае, когда человек не дошел до крайней нищеты и не просит от тебя помощи. Относись с доброжелательным сочувствием ко всякому, кто влачит свою жизнь в скорбях и в тяжелой работе или только находится в более низком положении, чем ты; уже по одному этому он имеет достаточное право на твое благосклонное отношение к нему.

Не давай ему чувствовать разницу ваших положений; не унижай его грубыми словами даже и тогда, если он, по природной грубости своей натуры или по каким-либо другим своим нравственным недостаткам, не нравится тебе.

Ничто так не утешает несчастного, как если человек, стоящий выше его на общественной лестнице, относится к нему доброжелательно. Сердце его чувствует благодарность, он начинает понимать, зачем существуют богатые люди, и не завидует их счастью, считая их достойным последнего.

Гордого и самоуверенного господина всегда ненавидят, как бы хорошо он ни платил своим слугам.

Заставить своих подчиненных ненавидеть себя - всегда безнравственно, во-первых, потому, что таким путем человек становится сам злым, во-вторых, потому, что таким образом он увеличивает недовольство, вместо того, чтобы уменьшать его, и, наконец, потому, что подчиненные привыкают к нечестному отношению к службе, начинают тяготиться своей зависимостью, и таким образом целый класс людей восстанавливается против стоящих выше его.

Так как всякий человек должен иметь возможность воспользоваться всею той суммою счастья, какая достижима для него на зем-

ле, то каждое вышестоящее лицо должно со своей стороны заботиться о том, чтобы каждое из нижестоящих лиц не находило повода проклинать свое положение, не переносило бы его безропотно, видя, что богатые не пренебрегают бедняком, а, напротив, всячески стараются облегчить его участь.

Будь щедр в помощи нуждающимся, так как этим ты приобретаешь себе их благорасположение; давай деньги и защиту, когда можешь, давай совет в подходящих случаях, а хорошее обхождение и хороший пример - во всякое время.

Но более всего старайся, заметив чьи-нибудь непризнанные заслуги, вывести их на свет; если ты этого не можешь сделать, то, по меньшей мере, постарайся сам воздать им должное.

Кто стыдится оказать уважение честному человеку, впадшему в несчастье, тот низок и малодушен. Трусость такого рода встречается очень часто; ты же зорко следи за собою, чтобы никогда не поддаться этой заразе.

Когда человек впадает в несчастье, то большая часть людей склонна думать, что он сам виноват в своем несчастье, что его неудачи дают законное основание презирать его и дурно с ним обходиться. Когда, для оправдания себя и для большего еще унижения несчастного, враги его прибегают к клевете, то, по большей части, клевете этой, хотя бы она носила на себе явный отпечаток лжи, верят и даже с жестоким равнодушием распространяют ее; тех же немногих, которые стараются опровергнуть ее, к сожалению не слушают. Думать о других дурно - составляет, по-видимому, счастье для громадного большинства людей.

Гнушайся этой дурной привычки. Когда слышишь жалобу на кого-нибудь, то никогда не упускай случая выслушать и его оправдание. Если же тебе не удастся услышать оправдание, то будь настолько великодушен, чтобы предположить его возможным. Считай человека виновным только тогда, когда вина его совершенно очевидна, но никогда не забывай, что нередко из простой ненависти взводится на человека вина не существующая. Если хочешь быть справедливым, то никогда и никого не позволяй себе ненавидеть: *ненависть всегда превращает справедливость в фарисейское ослепление.*

Когда кто-либо впадает в несчастье, то, будь он даже твоим врагом или сделай он преступление против твоего отечества, все-таки с твоей стороны недостойно испытывать дикую радость по случаю его несчастья; в случае надобности суди о совершенной им неправде, но

не так строго, как в дни его благополучия, даже с большим вниманием, чтобы как-нибудь не преувеличить и не упустить из виду добрых качеств, которыми мог обладать и этот человек.

Сочувствие страждущим и даже преступникам всегда благотворно. Закон, который осуждает преступника, совершает акт правосудия, но человек никогда не имеет права радоваться страданиям другого человека или преувеличивать его преступность.

Если сострадание вошло у тебя в привычку, то ты часто будешь оказывать его людям неблагодарным. Недовольство, возбужденное в тебе их поступками, не должно приводить тебя к мысли о неблагодарности людей вообще и не должно уменьшать твоей доброжелательности.

Рядом со многими неблагодарными людьми существуют также и люди признательные, которые всегда глубоко оценят твои благодеяния. Благословения одного могут вознаградить тебя за неблагодарность десятка других. Но если бы и никто не отблагодарил тебя, то и тогда доброта твоего сердца будет сама себе наградой. Ничто не дает большего удовлетворения, как деятельность, направленная к благотворению и уменьшению страданий ближних. Сладостное чувство это выше, чем при получении помощи, так как нет никакой заслуги в том, чтобы принимать благодеяния, но раздавать их - крайне добрый подвиг.

Раздавай свои благодеяния самым деликатным образом, в особенности же людям, к которым ты должен иметь высокое уважение, т.е. - женщинам, честным и застенчивым, и всем новичкам в горькой школе нужды, которые часто предпочитают скрытно лить слезы, чем открыто выговорить страшные слова: "Помогите! Подайте!".

Кроме собственной благотворительности, которую ты должен производить так, чтобы, согласно словам св. писания, правая рука не ведала о том, что творит левая, - соединяйся с другими честными людьми для увеличения средств к благотворительности, для основания и поддержки благотворительных учреждений.

И здесь говорит св. писание: "Ибо мы стараемся о добром не только перед Господом, но и пред людьми" (2-е послание к Кор. стих 8, 21).

Существуют добрые дела, которые нельзя делать одному и тайно. Принимай участие в благотворительных обществах и содействуй, насколько можешь, их расширению, оживляй их, когда они слабеют, и направляй их на истинную дорогу, коль скоро они укло-

нились от нее. Пусть не лишают тебя бодрости глупые насмешки, с которыми скупые и праздные люди всегда относятся к деятельным работникам для блага всего человечества.

ГЛАВА XXVII

Уважение к знанию

Если твоя деятельность и твои домашние заботы оставляют тебе мало времени на книжные занятия, то берегись наклонности, обнаруживаемой обыкновенно теми, кто мало или вовсе не занимается науками, - наклонностями признавать пустыми все науки и знания, которых они сами не приобрели, и осмеивать каждого, кто придает значение умственному развитию.

Напускную ученость презирай: она пагубна. Но уважай истинное знание, ибо оно всегда полезно, Уважай его независимо от того, владеешь ли ты им сам или не мог получить его.

Стремись неустанно к развитию твоего ума посредством чтения разного рода хороших книг.

Для человека, живущего в достатке, такое упражнение ума необходимо не только потому, что он может почерпать в нем благородное наслаждение и поучение, но также и потому, что он, благодаря этому, получает репутацию образованного человека и друга науки и, таким образом, может с большим успехом направлять людей к добрым делам. Завистники слишком любят распространять про добродетельных людей худую славу. Если имеется какое-либо основание считать человека невежественным или поборником невежества, то толпа смотрит недоброжелательно на его лучшие деяния, стремится покрыть его презрением и препятствует его деятельности.

Религия, отечество и честь требуют сильных борцов, обладающих прежде всего добродетелью, а затем - знаниями. Беда, если злые люди могут с правом сказать добрым: "Вы невежественны и необходимы". Но для того, чтобы приобрести тот авторитет, который всегда сопровождает образование, никогда не старайся показать, что ты обладаешь знаниями, которых в действительности вовсе не имеешь. Этот обман точно так же позорен, как и всякий другой. Кроме того, всякая ложь рано или поздно обнаруживается. Никогда не простирай своего уважения к какому бы то ни было знанию до слепого поклонения ему. Хотя и должно желать себе и другим больше знаний, но если мы увидим, что приобрести их в большей степени для нас невозможно, то смиримся и явимся среди людей в нашем соб-

ственным виде, чтобы не обмануть их. Много знать хорошо, но важнее всего для человека добродетель, которая к счастью, может ужиться бок о бок с полной неразвитостью.

Поэтому не презирай неразвитых людей даже и в том случае, когда твои собственные сведения весьма обширны. О знаниях можно сказать то же, что и о богатстве: то и другое желательно лишь для блага других людей, но кто не имеет ни того, ни другого, может быть также хорошим гражданином и имеет поэтому право на уважение.

Старайся распространить свет мысли среди необразованных классов народа. Но какие же это мысли? Не те, конечно, которые сделают людей высокомерными, гордыми своим умом и злыми; не те преувеличения, которые находят место в современных драмах и романах, где люди низшего класса обыкновенно являются героями, а высокостоящие лица - преступниками, и картина общества с дурным умыслом представляется в карикатурном виде; где тот изображается верным слугою, кто позволяет себе неучтивые речи относительно своего господина, и добрым господином выставляется тот, кто женится на дочери своего слуги, где нет разбойника, который не был бы привлекателен ... и все это для того, чтобы возбудить ненависть ко всякому, кто не удивляется этим ходульным героям.

Добрые мысли, которые мы должны распространять между неразвитыми людьми низших классов, - это мысли, могущие предохранить их от заблуждений и предрассудков и, не стараясь сделать из них низкопоклонников образованных и влиятельных классов, внушают им достойные стремления к доброжелательству и благодарности; мы должны распространять между ними мысли, могущие удержать их от нелепых идей анархии и господства черни, - мысли, которые научат их богобоязненно и честно исполнять те скромные, но честные обязанности, каким призвало их Провидение, и, наконец, такие, которые внушат им убеждение, что хотя общественное неравенство неустранимо, но что все добродетельные люди равны перед Богом.

ГЛАВА XXVIII

Благопристойность

В обращении со всеми людьми будь всегда любезен; эта обходительность скоро обратится в привычку и поможет тебе относиться к людям с постоянным благорасположением. Недружелюбное, грубое и надменное обращение порождает и недружелюбный образ мыслей. Невежественность влечет за собою двоякое зло: огрубение собственной души и оскорбление других людей.

Старайся о том, чтобы приветливость проявлялась не только в наружном обращении твоём, но и во всех твоих мыслях, стремлениях и действиях.

Кто не старается удерживать свой ум от грубых мыслей, кто часто потворствует им, тот нередко может быть вовлечен ими до самых предосудительных поступков.

Как часто приходится слышать, что люди, вовсе не принадлежащие к низшему сословию, говорят неприличные речи и грубые шутки. Не подражай им. Нет надобности, чтобы речь твоя отличалась изысканною щеголеватостью, но старайся, чтобы она была чиста от пошлых и грубых выражений, от неумеренной резкости, свойственной речи невежественных людей, и от грязных шуток, которые часто оскорбляют чувство приличия.

Чтобы выражаться прилично, необходимо начать учиться этому еще в юности. Кто не приобрел этой привычки к двадцатипятилетнему возрасту, тот не приобретет ее никогда. Повторяю, что не требуется изысканная, но облагороженная речь, которая поднимает человека над людьми низших положений и возбуждает в слушателях наслаждение, расположение к людям и стремление к добру.

Старайся сделать речь свою приятно удачным выбором выражений и благозвучной интонацией голоса. Кто говорит мягко и приятно, тот привлекает к себе слушателей и, оказывает на них больше влияния в том случае, когда имеется в виду направить их ко благу и отвратить от зла. Долг наш употреблять все средства, данные нам Богом, на помощь ближним, а следовательно и способ для выражения наших мыслей.

Причина непристойной распущенности в речах и в обращении чаще лежит не в природной неспособности к лучшему, а в позорной лени и в недостатке желания поработать над собою для удовлетворения справедливых притязаний других людей.

Но считая хорошее обращение своей обязанностью, в виду того, что долг каждого человека не отягощать никого своим присутствием, а быть приятным и приличным в сообществе других, ты не сердись все-таки на людей, которые не имеют хорошего образования. Помни, что и алмаз встречается покрытым корою. Лучше было бы, конечно, если бы этой коры не было, но и под толстой корою алмаз все же остается алмазом.

В своем внешнем обращении с людьми, которым недостает приличного обхождения, ты должен держаться как с несносными людьми.

ми или с сумасбродами. Если ты не можешь помочь им, то старайся избегать их, но никогда не давай им почувствовать того неприятного ощущения, которое они в тебе возбуждают.

ГЛАВА XXIX

Благодарность

Благосклонное и приветливое составляет общую обязанность относительно всех людей; благодарность же должна быть проявляема в особенности в тех случаях, когда высокие души выказывают нам любовь, сострадание и снисхождение.

Родители наши, а равно и всякий человек, оказавший нам услугу делом или добрым советом, имеют право на всегдашнюю благодарность с нашей стороны. Относительно других людей можно в иных случаях позволить себе строгое суждение или не расточать перед ними своей любезности, - тут еще не будет преступления; но по отношению к лицам, оказавшим нам помощь, мы должны быть крайне внимательны, чтобы не огорчить и не оскорбить их, а беречь их доброе имя и постоянно показывать готовность защитить их и утешить.

Если человек, оказавши благодеяние, оценивает его слишком высоко, то большинство людей считает такого человека нескромным, а себя освобожденными от благодарности к нему. Будучи слишком низкими, чтобы признать оказанное им благодеяние, они его стыдятся и стараются со злобною изобретательностью доказать, что благодетель их действовал лишь в собственном интересе или имел в виду какую-либо недостойную цель, и таким образом стараются оправдать свою собственную неблагодарность.

Иногда же для того, чтобы по возможности скорее снять с себя долг благодарности, они спешат оказать своему благодетелю также какую-нибудь услугу и воображают, что затем уже никто не может упрекать их в том, что они забыли обязанности, налагаемые на них полученным благодеянием.

Но ничто и никогда не может оправдать неблагодарности. Неблагодарность - подлость, и, чтобы остаться честными людьми, мы не только должны скрывать или ограничивать нашу благодарность, но, наоборот, стремиться к тому, чтобы она светила ярко, как свет солнца.

Если оказавший тебе благодеяние разглашает об этом или вообще не высказывает столько деликатности чувств, сколько ты желал бы, или, если окажется, что им руководило не одно только благодарное желание быть тебе полезным, а и нечто другое, то все-таки не тебе осуждать его. Закрой глаза на все, что действительно нехо-

рошо или только кажется тебе неблагодарным в его поступке, и старайся видеть в нем лишь одно доброе. Никогда не забывай добра, хотя бы ты давно и сторицею расплатился за него.

Иногда позволительно держать втайне благодарность, которую мы чувствуем к человеку. Но если совесть скажет тебе, что ты должен сделать известным полученное тобою благодеяние, то пусть не удерживает тебя ложный стыд: объявляй во всеуслышание, что ты обязан благодарностью дружеской руке, которая помогла тебе. "Незасвидетельствованная благодарность часто есть та же неблагодарность", говорит известный моралист Бланшар.

Только тот человек действительно добр, который умеет быть благодарным за малейшее благодеяние. Благодарность - душа религии, душа сыновней любви и вообще любви к людям и к человеческому обществу, которое дает нам столько благ.

Если мы испытываем благодарность за все то добро, которое получаем от Бога и людей, то мы приобретаем силу и спокойствие, необходимые для перенесения житейских испытаний, и делаемся более снисходительными и более деятельными для блага наших ближних.

ГЛАВА

Смирение, кротость и всепрощение

Так как приветливость несовместима с высокомерием и гневом, то тот не может быть истинно приветливым, кто не приручил себя к смирению и кротости?

"Если существует вообще чувство, которое не допускает относиться к другим с оскорбительным пренебрежением, то это чувство и есть смирение? Пренебрежение возникает лишь тогда, когда мы сравниваем себя с другими и отдаем предпочтение себе; мы можем только тогда истребить в себе это чувство, когда мы с самого начала приучим свое сердце чувствовать свою собственную недостойность и сожалеть о ней, когда мы все свои заслуги приписываем милости Божией и уверены, что, как только Бог отнимет от нас свою руку, так мы тотчас же погружаемся в пучину зла" (см. соч. Матерни).

Удерживай в пределах чувство недовольства, иначе ты сделаешься заносчивым и злобным. Бывают случаи, когда справедливый гнев извинителен, но такие случаи крайне редки. Кто готов негодовать при всяком случае, тот прикрывает маскою ревности лишь свою злобность.

Недостаток этот встречается ужасно часто. Если побеседовать о последовательности с двадцатью человеками, то между ними, наверное, найдется девятнадцать, которые будут говорить тебе со злобою о ком-нибудь, кого они (понятно - по справедливости!) терпеть не могут. Они будут говорить об общей несправедливости так, как будто они одни только справедливы. Страна, в которой они живут, всегда самая худшая страна на всем земном шаре; время, в какое им приходится жить, всегда самое плодое; учреждения, не ими установленные, всегда самые жалкие. Если они слышат, как кто-либо говорит о религии и нравственности, они сейчас же признают такого человека лицемером и ханжой; если они видят богача, не сорящего своими деньгами, то, не колеблясь, признают его скупцом; если бедняк страдает и просит милостыню, то это непременно расточитель, а если кто-нибудь когда-либо примет от них благодеяние, то они считают его всегда неблагодарным. Словом, им доставляет несравненное удовольствие дурно отзываться о всех лицах, из которых состоит общество, и это уже большая милость, если они делают исключение для некоторых из своих друзей.

Но что всего хуже: эти злобные выражения, направленные против друга и недруга, по-видимому, очень нравятся тем, кого они непосредственно не касаются. Всякий злобный и склонный осуждать других человек может прослыть великодушнейшим человеком, который сделался бы героем, если бы он мог управлять миром, тогда как на скромного и кроткого человека обыкновенно смотрят с обидным состраданием, как на глупца и бессильного.

Такие добродетели, как смирение и кротость, обыкновенно не дают славы, но продолжай, мой друг, стремиться к ним: они лучше всякой славы. Обычные выражения гордости и порывов гнева служат лишь признаками полного недостатка великодушия и любви и постоянного стремления казаться лучше других.

Пребывай в скромности и будь кроток, но в то же время доказывай своими поступками, что эти качества не исходят из слабоумия или малодушия. Но как доказать это? Неужели тем, что ты иной раз, выведенный из терпения, бросишься на дурного человека со сжатыми кулаками? Или тем, что человека, который обидит тебя словом, ты обидишь также в свою очередь? Нет! Пренебреги отвечать на клевету и, за исключением особенных случаев, которых нельзя заранее определить, не теряй терпения перед злым человеком, не угрожай ему и не презирай его. Кротость, если она не есть способность к

энергетическим чувствованиям, имеет всегда право на своей стороне. Она смягчает гордость других сильнее, чем самое пламенное красноречие гнева и презрения.

Что твоя кротость не есть глупость или трусость, доказывай достойным отношением к злым людям, не одобряй никогда их несправедливых поступков, не ищи никогда их заступничества и не оскорбляй никогда религию и твою честь из опасения их порицания.

Приучи себя к мысли, что у тебя будут враги, и не смущайся этим. Нет добродетельных, правдивых и любящих мир людей, которые не имели бы врагов. Существуют жалкие создания, столь завистливые от природы, что они не могут жить без того, чтобы не запятнать клеветой имени каждого живущего по совести человека и пользующегося доброй славой.

Имей мужество относиться кротко и к тем людям, которые вредят тебе или стараются повредить, и умей прощать им от всего сердца. "Прощай не до семи, а до семидежды семи раз", сказал Спаситель, то есть, прощай без конца.

Всякого рода мщение или поединок недостойны человека. Втайне питаемая злоба есть вместе с тем гордость и низость, Прощая несправедливости, можно превратить врага в друга и испорченного человека - в такого, который снова окажется способным к нравственным поступкам. О, как прекрасна и утешительна такая победа над злом! насколько превосходит она своим величием кровавое торжество мести!

Если бы даже человек, обидевший тебя, и которому ты простил обиду, не раскаялся, но стал твоим непримиримым врагом, стал преследовать тебя оскорблениями до самой смерти, то что *ты* потеряешь при этом? Разве ты не пользовался всю жизнь высшим из наслаждений - наслаждение быть великодушным?

Глава XXXI

Мужество

Мужества, как можно больше мужества!

Без этого необходимого качества нет добродетели.

Мужество нужно для преодоления твоего себялюбия и для направления твоих сил к добрым поступкам;

- оно нужно для защиты отечества и твоих ближних во всяких обстоятельствах;

- для сопротивления дурным примерам и несправедливым насмешкам; - для того, чтобы переносить без жалобы болезнь, нуж-

ду и несчастья всякого рода;

- для того, чтобы стремиться к совершенству, достижение которого хотя и невозможно на земле, но которое предписывает нам Св. Евангелие, под опасением потерять наше нравственное достоинство.

Как бы дороги ни были тебе имущество, честь и жизнь, будь готов во всякое время пожертвовать их долгу, если долг потребует этой жертвы. Или самоотвержение и твердая решимость - скорее лишиться всех земных благ, чем купить таковые недостойным поведением, или же человек не только перестает быть героем, но он легко может сделаться чудовищем! *Ибо тот, говорит Цицерон, не может быть справедливым, кто боится смерти, терзаний, изгнания и бедности, или кто противоположные сим бедствиям блага предпочтет справедливости.*

Жить с сердцем, не тронутым привязанностью к земным благам, по-видимому, слишком тяжелая задача. Но несомненная истина - та, что без известного равнодушия к этим благам нельзя с достоинством ни жить, ни умереть.

Мужество должно дать душе силу выучиться добродетели; но оно не должно вести к самонадеянности и грубости.

Кто полагает, что мужество несовместимо с нежными чувствами, кто привыкает к угрозам, спорам, страсти к разрушению и жестокости, - тот злоупотребляет данною ему Богом силою воли и силою мышц, вместо того, чтобы употреблять их на благо ближнего и служить примером для него. И такие люди в действительных опасностях бывают обыкновенно очень немужественны: чтобы спасти себя, они могут предать отцов и братьев. Среди солдат те храбрецы бегут первыми, которые раньше подсмеивались над трусостью товарищей и издевались издали над врагом.

Глава XXXII

Высокое понимание жизни и мужественная смерть

Нравственные обязанности человека изложены во многих книгах подробнее и красноречивее, чем это сделал я: моя цель, мой юный читатель, была составить для тебя краткое руководство, в котором бы ты находил все то, что тебе должно всегда иметь в твоей памяти.

Прибавляю еще следующее. Пусть не ужасает тебя многочисленность твоих обязанностей; только ленивым они кажутся слишком тяжелыми. Если мы с доброй волей примемся за их исполнение, то мы откроем в каждой обязанности скрытую прелесть, которая воз-

будит в нас любовь к ней, мы отыщем в себе чудесную силу, которая будет расти и укреплять нас по мере того, как мы будем подвигаться по тернистому пути добродетели; мы убедимся, что человек значительно сильнее, чем он кажется, когда он одушевлен стремлением к высокой цели, которая состоит в том, чтобы очистить себя от всяких нечистых побуждений, возбудить в себе стремление к добру и подняться до непрестанного общения с Богом.

Люби жизнь, но не за ее пустые удовольствия и не из тщеславия. Люби ее за все то, что в ней есть высокого и божественного. Люби ее за то, что она есть Школа для упражнения в добродетели, на которой лежит благословение Всемогущего, - которая служит для Его прославления и необходима для нашего собственного просветления. Люби жизнь, не смотря на все горести ее, даже мало того - за ее горести, так как они облагораживают жизнь, и, благодаря им, благородные мысли и благородная воля растут в человеке и дают плоды.

Помни, что эта жизнь, которую ты ценишь так высоко, дана тебе лишь на короткое время. Не расточай же ее без пользы. Наслаждайся ей лишь настолько, насколько это не препятствует счастьем других и твоему собственному здоровью. Главное же твое наслаждение должно заключаться в том, чтобы поступать достойно, то есть великодушно и с братской любовью относительно твоих ближних и служит Богу с сыновней любовью и покорностью.

Наконец, любя жизнь таким образом, - думай о смерти, которая тебя ожидает. Закрывать глаза перед неизбежностью смерти - есть слабость, которая парализует стремление к добру. Не ускоряй собственной виной приближение этой торжественной минуты, но и не избегай ее трусливо. Жертвуй жизнью, когда это необходимо для блага других, - и прежде всего для блага твоего отечества. Какого бы рода смерть не предстояла тебе, будь готов принять ее с мужеством, осветить ее искренностью и силой твоей веры.

Исполняя все это, ты будешь человеком и гражданином в высшем смысле этого слова, будешь полезен обществу и делаешь себя навсегда счастливым.

Конец

